МИХАИЛЪ ТУГАНЪ-БАРАНОВСКІЙ

ВЪ ПОИСКАХЪ НОВАГО МІРА

СОЦІАЛИСТИЧЕСКІЯ ОБЩИНЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

НХ
Т33

С.П.Б.

М. Туганъ-Барановскій.

ВЪ ПОИСКАХЪ НОВАГО МІРА.

СОЦІАЛИСТИЧЕСКІЯ ОБЩИНЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

Съ 9 иллюстраціями и портретами.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Т-ва „Нашъ Вѣкъ", Малая Подьяческая, с. д., 12.
1913.

5к
3-я экз

„Пров 38“

712
38

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ этой небольшой книгѣ, въ основу которой положены, съ существенными добавленіями, мои статьи въ „Вѣстникѣ Европы“ за этотъ годъ, я даю характеристику нѣкоторыхъ попытокъ устройства соціалистическихъ общинъ. Отнюдь не претендуя на научную полноту, я останавливаюсь въ этихъ непритязательныхъ очеркахъ на тѣхъ изъ названныхъ попытокъ, которыя болѣе обращали на себя общественное вниманіе или достигли болѣе крупныхъ практическихъ результатовъ.

М. Туганъ-Барановскій.

30 марта 1913 г.
С.-Петербургъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Среди различныхъ экономическихъ организацій нашего времени соціалистическимъ общинамъ принадлежитъ самое скромное мѣсто. Ихъ было такъ немного, что, казалось бы, онѣ не имѣютъ никакого права занимать собой общественное вниманіе. Съ точки зрѣнія ихъ относительнаго вѣса въ экономическомъ строѣ современнаго общества онѣ, дѣйствительно, являются въ полномъ смыслѣ слова une quantité négligeable.

Однако, несмотря на это, такія организаціи всегда обладали способностью въ сильной степени интересовъ общественное мнѣніе. Каждый подобный опытъ, хотя бы и заканчивавшійся неудачей, находилъ внимательныхъ историковъ и не изглаживался въ памяти людей. Самые опыты производились въ такихъ скромныхъ размѣрахъ, что, читая описаніе ихъ, обычно испытываешь странное чувство: рѣчь идетъ о событіяхъ, настолько незначительныхъ съ общей исторической точки зрѣнія, съ точки зрѣнія вліянія ихъ на окружающую общественную среду, что кажется совершенно непонятнымъ серьезное значеніе, придаваемое имъ ихъ бытописателями.

Насъ нисколько не удивляетъ, что исторія капиталистической фабрики находитъ внимательно-

ныхъ историковъ и изслѣдователей. Вѣдь въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о такой экономической организаціи, которая опредѣляетъ собой условія жизни милліоновъ людей и самымъ могущественнымъ образомъ вліяетъ на весь строй соціальной жизни нашего времени. Совсѣмъ иное—соціалистическія общины: съ ними связана жизнь ничтожныхъ кучекъ людей, и онѣ менѣе всего доказали свою способность къ размноженію. Если семьдесятъ лѣтъ тому назадъ фурьеристы могли думать, что «методъ соціальнаго эксперимента» — устройство отдѣльныхъ общинъ, для испробованія на опытѣ новой соціальной системы — есть единственное средство разрѣшенія великаго соціальнаго вопроса цивилизованнаго человѣчества, то мы, люди двадцатаго вѣка, никоимъ образомъ не можемъ раздѣлять этого взгляда. Кто же въ настоящее время думаетъ, что изъ подобныхъ общинъ выйдетъ могучее экономическое движеніе, которое разрушитъ старый міръ и создастъ новый, не знающій антагонизма интересовъ, полный любви, гармоніи и общественнаго счастья?

Такія мечты были естественны и понятны сто лѣтъ назадъ, когда соціалистическая мысль еще ощупью искала себѣ дорогу. Но въ наше время раздѣлять ихъ, значило бы обнаруживать несомнѣнную отсталость мысли.

И тѣмъ не менѣе, интересъ къ подобнымъ попыткамъ вырваться своими единоличными усиліями изъ капиталистическаго міра нисколько не исчезъ и въ наше время. Очевидно, въ этихъ общинахъ есть какое-то содержаніе, которое заставляетъ придавать имъ большое значеніе даже совершенно независимо отъ ихъ числа въ суще-

ствующемъ хозяйственномъ строѣ и ихъ шансовъ на дальнѣйшее распространеніе.

Оуэнъ и Фурье, равно какъ и всѣ крупнѣйшіе представители соціалистической мысли первой половины прошлаго вѣка, стояли на точкѣ зрѣнія «метода соціальнаго эксперимента». Эта точка зрѣнія была отчетливѣе всего формулирована въ крайне интересномъ историческомъ документѣ, теперь почти позабытомъ (хотя не подлежитъ сомнѣнію его связь со все еще столь могущественно вліяющимъ на современную соціалистическую мысль «Коммунистическимъ манифестомъ» Маркса и Энгельса): въ «Манифестѣ соціетарной школы» (фурьеристовъ), вышедшемъ въ 1841 г.

«Мы—соціальные инженеры,—заявляли авторы фурьеристскаго «Манифеста»,—мы представляемъ нашимъ современникамъ планъ новаго механизма, способнаго, по нашему мнѣнію, использовать всю энергію движущей силы человѣческой природы безъ того, чтобы какая бы то ни была часть этой энергіи растратилась, при предполагаемой нами системѣ, на безполезныя, вредныя или опасныя для общества дѣйствія. Мы отнюдь не требуемъ насильственнаго ниспроверженія дурныхъ соціальныхъ механизмовъ, существующихъ въ настоящее время... Мы лишь стремимся получить возможность создать модель, на которой можно было бы на опытѣ провѣрить новую систему и уже на практикѣ установить ея дѣйствительную цѣнность для всего общества, чтобы это послѣднее приняло или отвергло предлагаемую систему съ полнымъ знаніемъ, знаніемъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла».

Насиліе, предпринимаемое для осуществленія

новой соціальной системы, доказываетъ, что преимущества ея не настолько велики, чтобы люди добровольны примкнули къ ней—иначе говоря, доказываетъ, что система эта не обладаетъ достаточными внутренними достоинствами. «Всякая теорія соціальной реформы или соціальнаго прогресса, подъ рискомъ признанія ея нелѣпой, невѣжественной, безнравственной и антисоціальной, должна допускать ея провѣрку путемъ частичнаго опыта, должна обладать способностью побудить человѣчество къ осуществленію на практикѣ новой системы путемъ добровольнаго подражанія».

Исходя изъ этого убѣжденія, Оуэнъ и Фурье ставили своей главной задачей созданіе общинъ, осуществляющихъ на практикѣ ихъ соціальную систему.

Глава I.

Оуэнъ и его общины.

I.

По своей поразительной практической энергіи Оуэнъ занимаетъ единственное мѣсто въ исторіи соціализма. Онъ вызвалъ къ жизни цѣлый рядъ практическихъ предпріятій, нѣкоторыя изъ которыхъ,—какъ напр., общества потребителей, послужили отправнымъ пунктомъ цѣлыхъ общественныхъ движеній и получили огромное историческое значеніе. Практическія организаціи, осуществленныя или намѣченныя Оуэномъ, имѣли весьма разнообразный характеръ, и, въ своей совокупности, отнюдь не могутъ быть уложены въ какую-либо стройную систему.

Но для насъ въ данномъ случаѣ интересны не практическія мѣры, предложенныя и частью испробованныя тѣмъ, кого съ полнымъ основаніемъ слѣдуетъ считать отцомъ англійскаго соціализма, а его конечный соціальный идеалъ. Этотъ послѣдній рисуется въ слѣдующемъ видѣ.

Существующее раздѣленіе города и деревни, промышленности и земледѣлія, должно исчезнуть. Община будущаго должна соединять земледѣльческій трудъ съ промышленнымъ. Хозяйственныя

работы будутъ производиться сообща за счетъ общины, причемъ всѣ выдѣлываемые продукты будутъ принадлежать самой общинѣ. Такимъ образомъ въ ней не будетъ частной собственности не только на средства производства, но и на предметы потребленія, которые будутъ переходить въ распоряженіе отдѣльнаго лица только во время ихъ потребленія. Что же касается предметовъ, потребляемыхъ сразу, какъ, напр., жилыя помѣщенія или мебель, то они могутъ принадлежать отдѣльному лицу только на время пользованія ими. Всякій выбираетъ работу въ соотвѣтствіи со своими наклонностями и вкусами и всѣ работаютъ сообща, причемъ община принимаетъ всевозможныя мѣры, чтобы сдѣлать работы какъ можно болѣе привлекательными и пріятными. Работы непріятныя, нездоровыя или слишкомъ тяжелыя должны быть, по возможности, устранены широкамъ примѣненіемъ машинъ.

Съ цѣлью использовать всѣ выгоды не только производства, но и потребленія въ крупныхъ размѣрахъ, члены общины помѣщаются въ центральномъ зданіи общины, представляющемъ собою роскошный дворецъ. Въ этомъ дворцѣ каждая семья занимаетъ свою особую квартиру, но дѣти съ самаго ранняго возраста воспитываются сообща, причемъ воспитаніе должно имѣть строго методическій характеръ и преслѣдовать цѣль выработки наиболѣе совершеннаго человѣческаго характера. Именно на разумное воспитаніе, которое должно совершенно преобразовать человѣка и сдѣлать изъ него новое существо, лишенное пороковъ и слабостей нашей эпохи, Оуэнъ и возлагаетъ свои главныя надежды. Во всѣхъ книгахъ и статьяхъ,

РОБЕРТЪ ОУЭНЪ.

посвященныхъ устройству будущаго общества, вопросамъ воспитанія отводится самое видное мѣсто.

Число членовъ такой кооперативной общины можетъ измѣняться въ предѣлахъ отъ 500—3000. Управленіе общиной съ болѣе многочисленнымъ составомъ членовъ было бы уже затруднительнымъ, а община, имѣющая менѣе 500 членовъ, была бы недостаточно крупной.

Каждая община должна располагать для своихъ цѣлей извѣстнымъ участкомъ земли, причемъ для начала ей требуется не болѣе 1 — 2 акровъ на душу (т. е. около $^1/_2$ десятины). Впослѣдствіи же, когда община повыситъ интенсивность земледѣлія до характера садовой культуры, ей будетъ достаточно $^1/_2$ или даже $^1/_3$ акра на душу.

Общественная организація производства и потребленія дастъ каждой общинѣ такія выгоды, что общины обезпечатъ своимъ членамъ не только достатокъ, но и богатство, которымъ всѣ будутъ пользоваться совершенно въ равной мѣрѣ.

Отдѣльныя общины будутъ независимы другъ отъ друга. Современныя государства исчезнутъ и ихъ мѣсто займутъ общины, которыя будутъ заключать союзы другъ съ другомъ для исполненія работъ, превышающихъ силы отдѣльной общины.

Союзы эти будутъ совершенно свободны и лишены хотя бы въ самой слабой степени принудительнаго характера.

Мало-по-малу — надѣется Оуэнъ—весь земной шаръ покроется кооперативными общинами, долженствующими стать единственной формой человѣческаго общежитія. Міръ приметъ совершенно иной видъ. Не будетъ современныхъ городовъ и громадныхъ скопленій населенія въ немногихъ

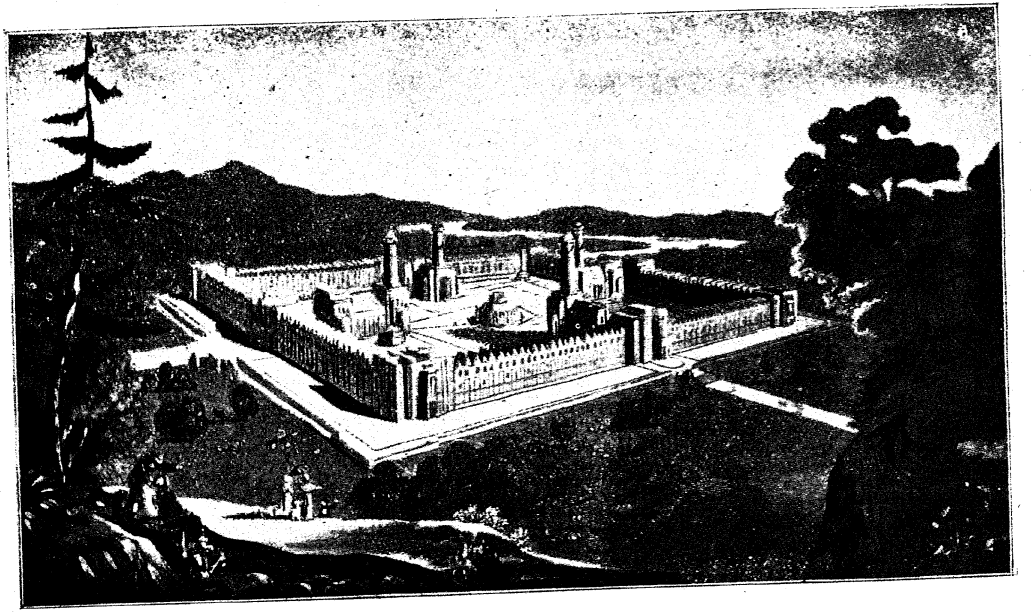
пунктахъ; вездѣ будутъ равномѣрно разсѣяны дворцы кооперативныхъ общинъ, съ ихъ садами и цвѣтущими полями.

Между отдѣльными общинами будетъ поддерживаться самое живое общеніе, каждый членъ такой общины будетъ имѣть право перейти въ другую, если въ этой послѣдней находится для него мѣсто. Такимъ образомъ, всѣ общины будутъ чувствовать себя внутренно связанными и каждая, въ то же время, будетъ своимъ единственнымъ и верховнымъ господиномъ.

Организація производства и управленія внутри каждой общины будетъ имѣть слѣдующій характеръ. Все населеніе будетъ дѣлиться по возрастнымъ группамъ. Съ двѣнадцати лѣтъ дѣти будутъ обучаемы хозяйственнымъ работамъ; въ двадцать лѣтъ теоретическое обученіе будетъ заканчиваться.

Хозяйственный трудъ будетъ лежать, главнымъ образомъ, на молодыхъ людяхъ обоего пола въ возрастѣ 20—25 лѣтъ. Въ возрастѣ 25—30 лѣтъ люди будутъ только 2 часа въ сутки отдавать хозяйственному труду, а затѣмъ совсѣмъ освобождаться отъ него.

Управленіе всѣми внутренними дѣлами общины будетъ лежать на всѣхъ членахъ ея въ возрастѣ 30—40 лѣтъ, а управленіе внѣшними дѣлами—на болѣе старшихъ членахъ, въ возрастѣ 40—60 лѣтъ. Эту своеобразную систему управленія, основанную на возрастныхъ группахъ населенія, Оуэнъ предлагаетъ потому, что онъ рѣшительно отвергаетъ систему какихъ бы то ни было выборовъ, ибо «выборы развращаютъ какъ избирателей, такъ и избираемыхъ, и причиняютъ неисчислимое зло

Планъ коммунистической общины Оуэна.

обществу. Самыя худшія страсти и всевозможные виды обмана порождаются столкновеніями интересовъ при выборахъ». Взамѣнъ системы выборовъ Оуэнъ стремится организовать общественное управленіе путемъ привлеченія къ нему всего взрослаго населенія (съ подраздѣленіемъ по возрастнымъ группамъ).

Такимъ образомъ, исчезаетъ надобность въ какомъ бы то ни было особо избираемомъ правительствѣ и люди становятся равны другъ другу не только въ экономическомъ, но и въ политическомъ отношеніи. Всякая власть одного человѣка надъ другими дѣлается ненужный, ибо каждый знаетъ, что, по достиженіи извѣстнаго возраста, онъ приметъ участіе въ управленіи общиной.

II.

Первымъ и самымъ грандіознымъ практическимъ опытомъ Оуэна была его знаменитая община «Нью-Гармони». Исторія ея такова. Религіозная секта раппистовъ (названная такъ по имени своего основателя, Раппа) образовала въ Америкѣ, въ штатѣ Индіана, обширную общину въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Община процвѣтала и занималась преимущественно земледѣліемъ. Центромъ ея было образованное ею селеніе, названное «Гармоніей», хорошо обстроенное, съ хорошими каменными домами и каменными же хозяйственными постройками. Община занималась не только сельскимъ хозяйствомъ, но, въ довольно обширныхъ размѣрахъ, также и промышленной дѣятельностью: она имѣла фабрики шелковую и шерстяную, лѣсопильню и другія промышленныя мастерскія.

Несмотря на хозяйственный успѣхъ члены общины не были довольны своимъ мѣстожительствомъ и въ 1824 г. рѣшили переселиться на новое мѣсто. Основаніемъ къ этому переселенію выставлялся нездоровый климатъ мѣстности, гдѣ была расположена «Гармонія» (малярія?). Но можно думать, что и, помимо этого, переселеніе казалось желательнымъ главѣ секты по соображеніямъ религіозно-нравственнаго свойства. Исходя изъ аскетическаго идеала, Раппъ не считалъ желательнымъ, чтобы его послѣдователи долго жили на одномъ мѣстѣ.

Какъ бы то ни было, община рѣшила продать все свое имущество, и покупатель нашелся въ лицѣ Оуэна, который уже давно искалъ въ Америкѣ подходящаго мѣста для устройства большой коммунистической общины. Когда къ Оуэну, уже пользовавшемуся къ этому времени громкой извѣстностью во всей Европѣ, явился представитель раппистовъ, Оуэнъ почти немедленно принялъ предложеніе, и сдѣлка была заключена.

Въ слѣдующемъ году Оуэнъ поѣхалъ въ Америку и пріобрѣлъ, за 30 тыс. ф. с., имѣніе раппистовъ, состоявшее изъ 20 тысячъ акровъ (около 6 тысячъ десятинъ) превосходной земли, со всѣми постройками и многими промышленными сооруженіями. Имѣніе было вполнѣ благоустроено и въ этомъ отношеніи, по видимому, не оставляло желать лучшаго.

Имя Оуэна уже было хорошо извѣстно въ Новомъ Свѣтѣ. Въ Нью-Іоркѣ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ было основано его послѣдователями «Общество содѣйствія устройству общинъ», которое съ 1823 г. издавало особый періодическій органъ.

По пріѣздѣ въ Америку и послѣ пріобрѣтенія имѣнія «Гармони», переименованнаго Оуэномъ въ «Нью-Гармони», нашъ соціальный реформаторъ прочелъ рядъ лекцій въ Вашингтонѣ передъ самой избранной аудиторіей, въ составѣ которой были многіе государственные люди Америки (въ томъ числѣ и президентъ республики). Въ этихъ лекціяхъ онъ возвѣстилъ о своемъ предпріятіи и старался объяснить его значеніе. Въ его представленіи «Нью-Гармони» должна была явиться только первой изъ общинъ даннаго типа, которыя по мѣрѣ своего умноженія должны вступать между собой въ политическую связь и образовать впослѣдствіи особый штатъ въ предѣлахъ Союза.

Обращеніе Оуэна имѣло быстрый успѣхъ; «Нью-Гармони» быстро наполнилось новымъ населеніемъ. Желающихъ было такъ много, что возникли большія трудности въ помѣщеніи въ колоніи ихъ всѣхъ. Однако, никакого выбора среди кандидатовъ не производилось, хотя таково было первоначальное намѣреніе основателя колоніи. Черезъ нѣсколько недѣль въ «Нью-Гармони» считалось уже около 900 членовъ.

Отсутствіе выбора не могло не привести къ тому, что многіе члены «Нью-Гармони» менѣе всего соотвѣтствовали по своимъ моральнымъ свойствамъ тому трудному дѣлу, за которое они взялись. Сынъ Оуэна, Вилліамъ, пишетъ своему отцу уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ: «Мы не знаемъ, что дѣлать намъ съ тѣми, кто за все берется и не имѣетъ никакой опредѣленной профессіи; они не дѣлаютъ рѣшительно ничего и ничѣмъ не довольны. Отъ многихъ изъ нихъ мы уже избавились, но все же ихъ осталось не мало».

Можно было бы думать, что при случайномъ составѣ членовъ въ «Нью-Гармони» вообще никакого хозяйства не наладится. Однако, Вилліаму Оуэну, бывшему главнымъ руководителемъ общины, удалось настолько организовать дѣло, что нѣкоторое время община казалась работающей успѣшно. Въ особенности отмѣчалась удачная дѣятельность разнаго рода промышленныхъ мастерскихъ общины, работавшихъ, впрочемъ, преимущественно, для удовлетворенія потребностей самой общины. Лѣсопильня, однако, работала и на постороннихъ заказчиковъ. Напротивъ, мануфактурныя мастерскія, которыя въ прежней общинѣ раппистовъ шли полнымъ ходомъ, послѣ ея преобразованія въ оуэнитскую общину, остановились по недостатку среди наличнаго персонала людей, подготовленныхъ къ этому труду.

Изъ переписки Вилліама Оуэна съ его отцомъ видно, что основатель общины принималъ очень мало участія въ руководительствѣ ею и даже дѣйствовалъ по отношенію къ ней довольно легкомысленно. Такъ напр., Вилліамъ Оуэнъ выражаетъ удивленіе, какимъ образомъ его отецъ приглашаетъ въ общину множество людей, которыхъ рѣшительно негдѣ помѣстить, и привлекаетъ вовсе не тѣхъ рабочихъ, въ которыхъ община имѣетъ нужду. Въ общинѣ оказалось очень много слесарей и рабочихъ по металлу, но чувствовался большой недостатокъ въ строительныхъ рабочихъ. Между тѣмъ, именно строительные рабочіе были необходимы для общины, такъ какъ имѣвшихся въ ней жилыхъ помѣщеній не хватало для размѣщенія всего ея населенія. Не хватало также лицъ, которыя могли бы съ успѣхомъ исполнять обязан-

ности домашней прислуги; Вилліамъ Оуэнъ особенно жалуется на недостатокъ поваровъ и прачекъ.

Среди членовъ общины было много семейныхъ лицъ и около 130 дѣтей. Значительное большинство членовъ общины принадлежало къ рабочему классу (повидимому—городскихъ рабочихъ), но было не мало и представителей либеральныхъ профессій, въ томъ числѣ нѣсколько очень видныхъ представителей американской науки и литературы. Такъ, вскорѣ послѣ основанія общины, къ ней примкнулъ самый выдающійся геологъ Америки Маклюръ, президентъ филадельфійскій академіи наукъ, человѣкъ очень богатый. Его привлекъ въ общину интересъ къ вопросамъ воспитанія, которымъ онъ посвятилъ часть своихъ трудовъ. Вмѣстѣ съ Оуэномъ онъ оказывалъ поддержку общинѣ своими личными средствами. Дѣятельными членами общины были и нѣкоторые другіе выдающіеся естествоиспытатели—Сэ, зоологъ, авторъ нѣсколькихъ трудовъ по энтомологіи и конхеологіи, напечатанныхъ въ «Нью-Гармони», зоологъ Лезюръ, химикъ Трустъ, впослѣдствіи профессоръ одного изъ американскихъ университетовъ и пр. Цѣлая группа этихъ ученыхъ прибыла въ «Нью-Гармони» послѣ продолжительнаго путешествія въ лодкѣ по Огіо.

5 февраля 1826 г. община окончательно конституировалась, принявъ названіе «Нью-Гармонійской общины равенства». Община подраздѣлялась на шесть отдѣловъ: земледѣлія. промышленности, литературы, науки и обученія, домашняго хозяйства, общаго хозяйства и торговли. Во главѣ каждаго отдѣла стоялъ избранный членами отдѣла управляющій, избиравшій четырехъ своихъ по-

мощниковъ. Всѣ они, вмѣстѣ съ общимъ секретаремъ, образовывали исполнительный комитетъ общины.

Согласно принятой общиною конституціи «всѣ участники общины должны разсматриваться какъ члены одной семьи; никто не долженъ пользоваться большимъ или меньшимъ уваженіемъ въ зависимости отъ рода своихъ занятій. Всѣ должны по возможности получать одинаковую пищу, одежду и воспитаніе, въ соотвѣтствіи со своимъ возрастомъ, и, насколько возможно, всѣ должны жить въ одинаковыхъ меблированныхъ домахъ. Каждый обязанъ отдавать весь свой трудъ на пользу общины». Иными словами, въ основу устройства общины были положены начала полнаго коммунизма. Впрочемъ, надо имѣть въ виду, что юридическимъ собственникомъ всего имущества общины оставался Робертъ Оуэнъ, но, конечно, предполагалось, что такое положеніе дѣла можетъ быть лишь временнымъ, пока община не окажется въ силахъ выкупить у Оуэна «Нью-Гармони».

Принятіе этой конституціи преисполнило энтузіазмомъ членовъ общины, какъ это видно, напр., изъ слѣдующаго характернаго письма члена общины Пельгама къ своему сыну. «До сихъ поръ—пишетъ Пельгамъ 8 февраля 1826 г.—въ дѣятельности общины замѣчалось много неправильностей, и это парализовало энергію ея членовъ; теперь же нашъ путь ясенъ и совершенно невозможно возвращеніе къ прежнему безпорядку. Различныя части нашей огромной машины такъ превосходно пригнаны одна къ другой, что результаты должны получиться наилучшіе. Я думаю, что черезъ полгода вся машина «Нью-Гармони» будетъ работать

съ правильностью часовъ... Оуэнъ удивительный человѣкъ; такихъ еще не создавала исторія. Его мудрость, его проницательность, его практическія знанія, и, всего болѣе, его искренность, добросовѣстность и открытый характеръ не имѣютъ себѣ подобнаго ни въ древней, ни въ новой исторіи».

Конституція была принята почти единогласно, но среди несогласныхъ съ нею былъ одинъ изъ главныхъ помощниковъ Оуэна, капитанъ Макъ-Дональдъ, изложившій причины своего несогласія въ газетѣ Нью-Гармони. Несогласіе Макъ-Дональна основывалось на томъ, что онъ былъ противникомъ какого бы то ни было выборнаго правленія внутри общины, хотя бы и самаго демократическаго. Онъ утверждалъ, что избраніе управляющихъ отдѣлами неизбѣжно вызоветъ раздоры внутри общины, и что она перестанетъ себя чувствовать одной семьей.

Какъ бы то ни было, новая конституція вступила въ силу при дѣятельной поддержкѣ самого основателя общины, вернувшаго къ этому времени въ Нью-Гармони изъ Европы.

Скоро, однако, выяснилось, что трудно достигнуть полнаго согласія въ предѣлахъ такой большой общины, какой являлась Нью-Гармони, и было рѣшено раздѣлить ее на нѣсколько меньшихъ. Прежде всего выдѣлились двѣ общины, въ основу организаціи которыхъ было положено отсутствіе выборнаго правленія; членами правленія становились всѣ члены общины по достиженіи извѣстнаго возраста.

Выдѣленіе этихъ новыхъ общинъ произошло безъ всякаго противодѣйствія со стороны Оуэна, который, наоборотъ, привѣтствовалъ его, и воз-

лагалъ, со своимъ обычнымъ оптимизмомъ, самыя радужныя надежды на будущее новыхъ общинъ.

Жизнь въ Нью-Гармони рисовалась ея участниками въ очень привлекательныхъ краскахъ. Сынъ Оуэна, Робертъ Дэль, — впослѣдствіи извѣстный государственный дѣятель Соед. Штатовъ, бывшій долгое время американскимъ посланникомъ въ Неаполѣ—съ большимъ удовольствіемъ вспоминаетъ въ своей автобіографіи о своемъ пребываніи въ общинѣ въ молодые годы. Правда, внѣшнія условія жизни отличались простотой: приходилось исполнять тяжелую физическую работу (не нужно забывать, что дѣти Оуэна выросли въ богатой семьѣ) — пахать, сѣять, рубить; но за то въ жизни общинниковъ было много и развлеченій. Еженедѣльно бывали балы и конперты; собирались для товарищеской бесѣды и воодушевленныхъ споровъ, которые не изгладились въ памяти Дэль-Оуэна даже черезъ много десятковъ лѣтъ.

Въ 1826 г. Нью-Гармони посѣтилъ герцогъ Саксенъ-Веймарскій, оказавшійся тонкимъ наблюдателемъ, описавшимъ все видѣнное. Герцога помѣстили въ домѣ для пріѣзжихъ, устройство котораго важный гость нашелъ удовлетворительнымъ. Герцогъ разсказываетъ, что его поразила вѣра въ будущность общины ея основателя, но ему самому показалось, что община просуществуетъ недолго и близка къ распаденію. Ему бросилось въ глаза, что, несмотря на внѣшнее равенство и одинаково скромную обстановку жизни всѣхъ членовъ общины, послѣдніе видимымъ образомъ раздѣлялись на двѣ группы—лицъ физическаго труда и людей лучшаго общества. Тѣ и другіе держались отдѣльно другъ отъ друга, въ своемъ собственномъ кругу. Хотя

на танцовальныхъ вечерахъ собирались всѣ вмѣстѣ «но молодыя барышни изъ общества отказывали простонароднымъ кавалерамъ, которые съ неудовольствіемъ покорялись своей горькой участи». Въ особенности поразило герцога обиліе танцовальныхъ вечеровъ: танцовали чуть не каждый вечеръ. Онъ разсказываетъ объ одной красивой барышнѣ, которая очень хорошо играла на фортепіано и пѣла, но не любила доить коровъ. Герцогъ катался съ нею въ лодкѣ при лунномъ свѣтѣ, при чемъ его спутница жаловалась на «соціальную систему», принуждавшую ее къ грубому физическому труду. Повидимому, ее привела въ Нью-Гармони несчастная любовь.

Большое вниманіе посвящалось школамъ, занятія въ которыхъ встрѣтили полное одобреніе со стороны герцога. По его словамъ, дѣти имѣли здоровый и веселый видъ и несомнѣнно любили школу; много времени отдавалось физическимъ упражненіямъ и спорту.

Нью-Гармонійская община просуществовала очень недолго: уже въ началѣ 1827 г. Оуэнъ убѣдился въ неудачѣ своего опыта. Какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, недовольные члены общины обвиняли ея основателя въ томъ, что онъ не передалъ общинѣ въ полную собственность имущества, которымъ она распоряжалась. Но, конечно, такая передача только ускорила бы крушеніе общины, заключавшей въ себѣ самой причины своего паденія. Достаточно одного того, что въ общину принимались всѣ желающіе. Обиліе танцевъ, поразившее герцога Саксенъ-Веймарскаго не указывало на большую склонность членовъ общины къ труду, а хорошенькая дѣвица, заинте-

ресовавшая герцога и жаловавшаяся на «соціальную систему», являлась лучшей иллюстраціей того, какой случайный характеръ имѣлъ составъ общинниковъ.

Непосредственной причиной крушенія общины явилась обнаружившаяся невозможность для нея произвести достаточное количество продуктовъ для содержанія ея членовъ, несмотря на крайне скромный характеръ ихъ жизни. Танцы не могли, разумѣется, замѣнить производительнаго труда. Въ концѣ концовъ, Оуэнъ оказался вынужденнымъ вступить въ свои права собственника и объявить общину распущенной, а членовъ ея пригласить самимъ заботиться о своемъ дальнѣйшемъ существованіи или же оставить Нью-Гармони. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ выразилъ готовность предоставлять свои земли въ распоряженіе всякой общины, которая могла бы основаться на тѣхъ же началахъ, какъ прекратившаяся.

Многіе члены общины покинули Нью-Гармони съ чувствомъ самаго тяжелаго разочарованія и неудовольствія противъ Оуэна, какъ свидѣтельствуетъ онъ самъ. Другіе продолжали попытки организовать въ Нью-Гармони жизнь на коммунистическихъ началахъ. Никогда не падавшій духомъ Оуэнъ въ скоромъ времени сообщаетъ, что на развалинахъ старой общины возникло уже восемь новыхъ, и что «соціальная система теперь упрочилась совершенно непоколебимо». Еще черезъ три недѣли онъ говоритъ уже о десяти коммунистическихъ общинахъ въ Нью-Гармони.

Но всѣ эти общины существовали, повидимому, только въ воображеніи Оуэна. По возвращеніи черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Нью-Гармони онъ

самъ долженъ былъ признать полную неудачу своей попытки создать «новый нравственный міръ». Большая часть земли Нью-Гармони осталась во владѣніи Оуэна, другая была распродана небольшими участками отдѣльнымъ лицамъ.

Весь опытъ потребовалъ очень крупныхъ затратъ со стороны Оуэна—около 40 тысячъ ф. с., (400 тыс. р.) т. е. почти половины всего его состоянія, достигавшаго приблизительно 100 тысячъ ф. Его четверо сыновей остались въ Нью-Гармони и стали гражданами Соединенныхъ Штатовъ. Маклюръ до самой своей смерти не порывалъ связи съ Нью-Гармони. Точно также не покинулъ общины и Сэ. Цѣлый рядъ научныхъ книгъ былъ изданъ въ Нью-Гармони Маклюромъ и Сэ.

Какъ опытъ устройства коммунистической общины, Нью-Гармони закончилась совершеннымъ крушеніемъ. Но отсюда не слѣдуетъ дѣлать вывода, что предпріятіе Оуэна не имѣло никакого культурнаго значенія. Напротивъ, Подморъ, авторъ самой обширной и вполнѣ безпристрастной біографіи Оуэна, вышедшей въ 1906 г., свидѣтельствуетъ, что «Нью-Гармони оставалась втеченіе болѣе поколѣнія главнѣйшимъ научнымъ и воспитательнымъ центромъ Запада Сѣвероамериканскаго союза, и вліяніе этого центра чувствовалась въ самыхъ различныхъ областяхъ соціальной и политической структуры страны. Даже до настоящаго времени отпечатокъ личности Оуэна видѣнъ въ городѣ, который онъ основалъ. Нью-Гармони не походитъ на другіе города западныхъ штатовъ. Это городъ съ исторіей. Пыль разбитыхъ надеждъ и идеаловъ образовала собой почву, въ которой пустила корни жизнь современности. Имя Оуэна

носятъ до настоящаго времени нѣсколько выдающихся гражданъ, потомковъ великаго соціалиста. Городъ гордится публичной библіотекой, хранителемъ которой является внукъ одного изъ первыхъ членовъ общины; библіотека состоитъ изъ 15 тысячъ томовъ, большею частью цѣнныхъ и рѣдкихъ изданій».

Съ внѣшней стороны община Нью-Гармони располагала, сравнительно съ другими аналогичными попытками, наибольшими шансами успѣха. Во главѣ ея стоялъ опытный руководитель, блестяще доказавшій въ Нью-Ланаркѣ свои исключительныя организаторскія способности. На устройство общины былъ затраченъ очень крупный капиталъ — около полумилліона рублей на наши деньги. Наконецъ, общинѣ не приходилось создавать всего необходимаго для веденія дѣла, такъ какъ она явилась наслѣдницей другой, достигшей полнаго хозяйственнаго процвѣтанія и передавшей своей преемницѣ вполнѣ благоустроенное имѣніе, со всѣми необходимыми постройками и сооруженіями самаго различнаго рода.

Тѣмъ не менѣе, крушеніе Нью-Гармони было очень быстрымъ. Объясняется это, отчасти, именно благопріятными внѣшними условіями ея возникновенія. Успѣхъ въ предпріятіяхъ такого рода зависитъ, прежде всего, отъ подбора соотвѣтствующихъ лицъ. Первый встрѣчный не можетъ оказаться полезнымъ членомъ коммунистической общины. Наплывъ членовъ въ Нью-Гармони объяснялся заманчивыми условіями жизни въ колоніи. Между тѣмъ, никакого выбора среди лицъ, желающихъ поступить въ общину, не производилось. При такомъ положеніи дѣла колонія неизбѣжно должна

была переполниться людьми, совершенно для нея непригодными, собравшимися въ ней не для серьезной работы, а изъ простого любопытства къ новымъ условіямъ жизни или даже просто ради возможности пожить на даровомъ хлѣбѣ безъ серьезнаго труда. Отсюда и обиліе развлеченій, которыя дѣлали столь пріятной жизнь въ общинѣ и которыя поразили своимъ количествомъ герцога Саксенъ Веймарскаго. Но отсюда же и невозможность покрывать продуктами труда членовъ общины ея необходимыя потребности.

Кромѣ Нью-Гармони, въ Америкѣ возникло и нѣсколько другихъ коммунистическихъ общинъ въ связи съ пропагандой Оуэна. Исторія ихъ, однако, большаго интереса не представляетъ. Болѣе поучительно остановиться на двухъ попыткахъ устройства оуэнистскихъ общинъ въ Европѣ.

Первая изъ этихъ попытокъ была сдѣлана въ Шотландіи, по иниціативѣ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ послѣдователей Оуэна, Авраама Комба, который въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ велъ энергичную пропаганду оуэнистскихъ идей. Онъ стоялъ во главѣ періодическихъ изданій, посвященныхъ этой цѣли, писалъ книги, брошюры и статьи и вообще былъ однимъ изъ наиболѣе убѣжденныхъ послѣдователей новой соціальной системы. О силѣ его убѣжденія въ близкомъ торжествѣ его дѣла можно судить по тому, что однажды онъ заключилъ пари съ однимъ своимъ другомъ, что не пройдетъ и пяти лѣтъ, какъ королевскій циркъ въ Эдинбургѣ будетъ разрушенъ и на его мѣстѣ будутъ воздвигнуты зданія оуэнистской общины. Вмѣстѣ съ другими богатыми послѣ-

дователями Оуэна онъ пріобрѣлъ въ 1825 г. имѣніе Орбистонъ, недалеко отъ Глазго, съ 291 акрами земли, и немедленно приступилъ къ постройкѣ обширнаго зданія, разсчитаннаго на 1000 человѣкъ. Капиталъ, потребный для осуществленія всего этого предпріятія, былъ опредѣленъ въ 50 тысячъ ф. с., которые предполагалось собрать, раздѣливъ его на 200 паевъ, по 250 ф. каждый пай. Въ короткое время удалось размѣстить 125 паевъ между 16 лицами.

Хотя самъ Комбъ былъ сторонникомъ полнаго коммунизма, но на первое время было рѣшено прибѣгнуть къ компромису. Только часть потребностей членовъ общины покрывалась изъ общаго фонда, создаваемаго общимъ трудомъ. Остальная часть этого фонда разверстывалась между членами, пропорціонально времени труда каждаго, при чемъ каждый могъ свободно расходовать эту часть на свои нужды по своему усмотрѣнію.

Всѣ жили въ общемъ зданіи и могли, по своему усмотрѣнію, столоваться вмѣстѣ или порознь. Въ томъ же зданіи каждый получалъ одинаковую квартиру; воспитаніе дѣтей велось сообща, но за счетъ родителей.

Хотя проектированное зданіе далеко не было вполнѣ достроено, оно быстро наполнилось обитателями, число которыхъ достигало въ іюнѣ 1827 г. 298 чел. (кромѣ грудныхъ дѣтей). Община занималась не только сельскимъ хозяйствомъ, но и разнаго рода промышленнымъ трудомъ—и даже, повидимому, преимущественно этимъ послѣднимъ. Особенное значеніе имѣло металлургическое производство и изготовленіе разнаго рода желѣзныхъ издѣлій для продажи. Кромѣ того, община изго-

товляла разнообразныя ткани и предметы одежды для надобностей своихъ членовъ.

Однимъ изъ основныхъ правилъ общины была полная свобода поступленія новыхъ членовъ въ ея среду. Комбъ исходилъ при этомъ изъ слѣдующаго соображенія. Задачей новаго соціальнаго строя является моральное перерожденіе человѣчества. Если бы община отвергала новыхъ лицъ, желающихъ вступить въ ея среду, вслѣдствіе ихъ моральной испорченности, то этимъ она доказывала бы недовѣріе къ ея собственной способности морально перерождать людей. И потому она не могла никого отвергать, какъ не отвергаетъ больница никого изъ больныхъ.

Конечно, при такихъ условіяхъ пріема новыхъ членовъ община должна была въ скоромъ времени распасться. Однако, ея первые шаги, несмотря на всѣ трудности, связанныя съ началомъ столь отвѣтственнаго дѣла, были сравнительно удачны. Лѣтомъ 1827 г., когда Оуэнъ пріѣхалъ посѣтить общину, она производила впечатлѣніе процвѣтающей. Особенно хорошо работалъ металлургическій отдѣлъ, построившій обширную доменную печь. Частныя письма колонистовъ дышали увѣренностью въ будущемъ и довольствомъ настоящимъ, «Это совершенно новый міръ—очень наивно пишетъ одна дама.—У насъ вчера было собраніе, и я никогда не испытывала большого удовольствія. Танцы три раза въ недѣлю. Сколько удовольствій и въ то же время самый лучшій столъ».

Итакъ, и въ Орбистонѣ, подобно «Нью-Гармони», отмѣчается обиліе танцевъ. И, конечно, это веселье неизбѣжно должно было окончиться сходнымъ образомъ крушеніемъ колоніи. Но судьба

избавила Орбистонскую общину отъ распаденія подъ вліяніемъ внутреннихъ причинъ: община погибла насильственной смертью. Въ концѣ лѣта умеръ основатель колоніи Комбъ и вмѣстѣ съ нимъ погибла и его дѣло: его наслѣдники потребовали возвращенія затраченныхъ суммъ, и все имѣніе было продано съ публичнаго торга.

Точно также изъ-за внѣшнихъ причинъ потерпѣла неудачу и другая Оуэнитская община, возникшая въ Ралахайнѣ. Эта организація была создана землевладѣльцемъ Ванделеромъ въ его имѣніи Ралахайнъ въ графствѣ Клэръ (въ Ирландіи). Въ теченіе многихъ лѣтъ Ванделеръ мечталъ передать свое имѣніе производительной артели земледѣльческихъ рабочихъ и, наконецъ, ему это удалось въ 1830 г. Имѣніе въ 618 акровъ, вмѣстѣ со всѣми постройками и инвентаремъ, поступило въ распоряженіе группы рабочихъ, которые и раньше работали тамъ же. При этомъ имѣлось въ виду, что съ теченіемъ времени община выкупитъ у помѣщика его имѣніе со всѣмъ инвентаремъ. Въ основу устройства общины были положены слѣдующія начала. Члены общины образовывали самоуправляющуюся группу, подъ верховнымъ надзоромъ землевладѣльца. Каждый получалъ обычную рыночную заработную плату и, кромѣ того, соотвѣтствующую долю чистаго дохода артели. Воспитаніе и содержаніе дѣтей и подростковъ до 17-лѣтняго возраста должно было оплачиваться изъ общаго фонда. Многія потребности взрослыхъ членовъ общины также должны были удовлетворяться за общій счетъ (съ соотвѣтствующимъ вычетомъ изъ ихъ заработной платы). Однако, члены общины жили въ отдѣльныхъ домахъ, и каждый имѣлъ свое

особое домашнее хозяйство. За пользованіе имѣніемъ община должна была платить землевладѣльцу опредѣленную арендную плату. Община состояла первоначально изъ 52 лицъ, къ концу — изъ 81 лица (въ томъ числѣ 16 дѣтей).

Въ хозяйственномъ отношеніи община имѣла полный успѣхъ и прекратилась въ 1833 г. отъ внѣшней причины: имѣніе было продано за долги Ванделера, который проигрался въ карты и бѣжалъ.

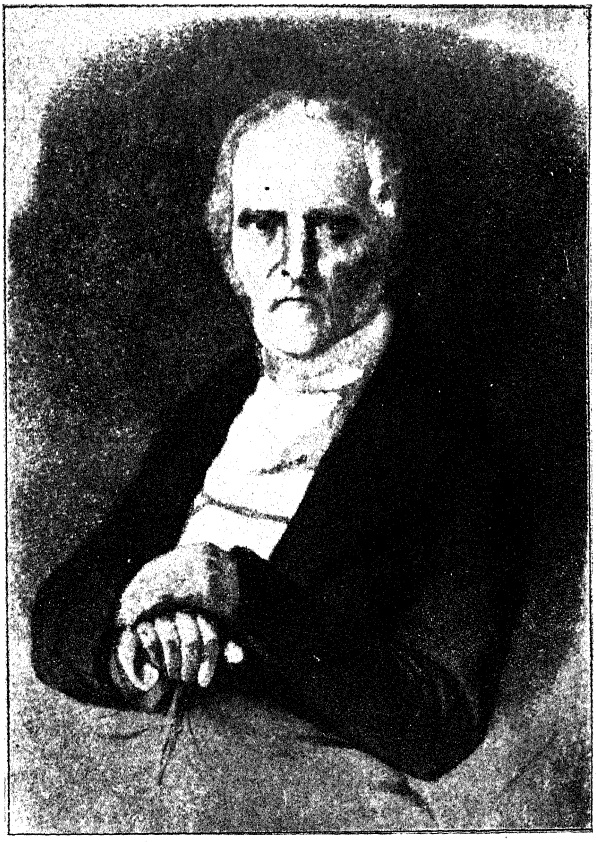
Глава II.

Фурье и его фаланги.

I.

Для Фурье, какъ и для Оуэна соціальный вопросъ былъ вопросомъ о наилучшей организаціи общины, коммуны.

Коммуна, говоритъ онъ, и въ современномъ обществѣ является самымъ важнымъ соціальнымъ элементомъ; но она не организована, и потому общественное хозяйство идетъ такъ плохо. Коммуны — это камни, изъ которыхъ строится общественное зданіе. Если камни не отесаны, не пригнаны другъ къ другу, то для ихъ скрѣпленія нужно много цемента; напротивъ, для хорошо отесанныхъ камней не требуется большого количества скрѣпляющаго матеріала — они держатся собственною тяжестью. При дурномъ устройствѣ или полномъ неустройствѣ коммуны требуется много чиновниковъ, сильная правительственная власть, сложная администрація для того, чтобы общественная машина могла работать: при хорошемъ устройствѣ коммуны правительству останется мало дѣла. Не правительство, а коммуна создаетъ богатство — вотъ почему и главное вниманіе соціальныхъ реформаторовъ должно быть

ШАРЛЬ ФУРЬЕ.

обращено на коммуну. Отсюда ясна безсодержательность политическихъ революцій, направленныхъ къ преобразованію формы правленія и оставлявшихъ незатронутымъ самый важный соціальный элементъ—коммуну.

Важнѣйшей задачей всякой общественной организаціи является созданіе богатства, матеріальной основы прогресса. Если мы обратимъ вниманіе на организацію хозяйства въ современномъ обществѣ, то увидимъ, что въ немъ имѣются два различныхъ вида хозяйства: крупное при помощи наемнаго труда, и мелкое, при помощи труда собственника. И тотъ, и другой видъ хозяйства имѣютъ свои недостатки и достоинства. Крупное хозяйство выше въ техническомъ отношеніи, но зато въ немъ рабочій не заинтересованъ въ результатахъ труда и работаетъ плохо. Мелкое хозяйство стоитъ на низкомъ техническомъ уровнѣ, но зато въ немъ человѣкъ трудится самъ для себя.

Задача въ томъ, чтобы воспользоваться преимуществами крупнаго производства и не утерять выгодъ мелкаго. Образцовая коммуна должна удовлетворять слѣдующимъ требованіямъ: 1) собственность не должна быть въ ней раздроблена; 2) всѣ земельные участки коммуны и всѣ отрасли промышленности должны эксплоатироваться въ ней по общему плану; 3) система наемнаго труда, при которой рабочій не заинтересованъ въ продуктахъ своего труда, должна быть замѣнена системой общаго участія всѣхъ въ общемъ продуктѣ пропорціонально участію каждаго въ производствѣ.

Нужно создать ассоціацію нѣсколькихъ сотъ семей (Фурье беретъ 300 семействъ), которая могла бы совмѣстно вести хозяйство. Для этого

не требуется лишать собственности кого бы то ни было. Собственникъ не лишается своей собственности, отдавая ее такой ассоціаціи, такъ какъ, взамѣнъ своей собственности, онъ получаетъ акціи, доходъ которыхъ, по разсчетамъ Фурье, будетъ несравнено выше, чѣмъ доходъ съ собственности при единоличномъ владѣніи.

Такую коммуну, организованную согласно его плану, Фурье называетъ фалангой, а соціальный дворецъ, который предназначенъ для жизни членовъ фаланги,—фаланстеромъ.

Хозяйство фаланги не будетъ имѣть коммунистическаго характера. Коммунизмъ стремится къ полному равенству, отрицаетъ права капитала и таланта, и признаетъ только права труда. Коммунизмъ разсчитываетъ достигнуть общаго довольства не путемъ согласнаго, гармоническаго развитія всѣхъ страстей человѣка, а путемъ подавленія нѣкоторыхъ изъ нихъ, при томъ наиболѣе содѣйствующихъ матеріальному и умственному прогрессу, каковы — стремленіе къ превосходству, честолюбіе, жажда богатства и пр.

Основная идея коммунизма есть не болѣе, какъ половина соціальной идеи, — именно, принципъ коллективности, ассоціаціи, и притомъ въ своей грубой, неразвитой формѣ, точно такъ же, какъ основная идея современнаго строя — принципъ частнаго почина — есть другая половина соціальной идеи. Гармоническое соединеніе этихъ двухъ несовершенныхъ элементовъ въ высшемъ и сложномъ сочетаніи должно быть основной идеей ассоціаціи будущаго, фаланги.

Частная собственность въ фалангѣ отнюдь не уничтожается, но только принимаетъ иную форму—

форму права участія въ общихъ доходахъ, а не права исключительнаго пользованія тѣмъ или инымъ орудіемъ производства. Послѣднее право естественно отпадаетъ, такъ какъ производство въ фалангѣ ведется сообща; предметы потребленія могутъ, однако, принадлежать отдѣльнымъ лицамъ. Вообще, личная свобода въ фаланстерѣ не испытываетъ никакого ограниченія. Каждый живетъ, какъ хочетъ, можетъ обѣдать въ собственномъ углу и не принимать участія въ общихъ обѣдахъ, если этого пожелаетъ, хотя собственная выгода и должна побуждать его къ участію въ общественной организаціи потребленія, которая представляетъ такія же огромныя преимущества, какъ и общественная организація производства. Именно въ виду выгодности производства и потребленія въ крупныхъ размѣрахъ, и то, и другое будетъ организовано въ фаланстерѣ на общественныхъ началахъ.

Фурье подробно описываетъ, какія огромныя сбереженія получатся, если сотни отдѣльныхъ маленькихъ кухонъ будутъ замѣнены одной огромной кухней въ фаланстерѣ, если сотни прачешныхъ, кладовыхъ, подваловъ будутъ соединены въ одно огромное цѣлое въ будущей коммунѣ. Политико-экономы обыкновенно относятся съ презрѣніемъ къ организаціи домашняго хозяйства: это кажется имъ дѣломъ мелкимъ, ничтожнымъ. На самомъ же дѣлѣ трудно и оцѣнить, какая масса капитала и труда безполезно растрачивается, благодаря раздробленію потребленія.

Что касается до преимуществъ общественнаго производства, какъ оно будетъ организовано въ фалангѣ, то выгоды его должны быть еще больше.

Всѣмъ извѣстно, что крупная промышленность вытѣсняетъ мелкую именно благодаря большей производительности труда въ крупномъ производствѣ. Но фаланга будетъ имѣть одно важное преимущество передъ современнымъ крупнымъ предпріятіемъ: ей будетъ выгодно вводить такія машины, такіе усовершенствованные пріемы производства, которые не могутъ быть усвоены современной промышленностью, потому что этому препятствуетъ низкая заработная плата (дѣлающая ручную работу болѣе дешевымъ способомъ производства, чѣмъ машинную) и сопротивленіе рабочихъ введенію новыхъ машинъ. Машина перестанетъ быть врагомъ человѣка, какимъ она является при современномъ несовершенномъ устройствѣ общества, и сдѣлается его помощникомъ и слугою.

Точно также будетъ преобразовано и земледѣліе. Соединеніе въ фаланстерѣ земледѣлія съ промышленностью дастъ возможность избѣжать еще одного огромнаго недостатка хозяйственнаго устройства цивилизаціи, именно, вынужденной праздности земледѣльца въ зимнее время.

Наконецъ, въ области торговли преимущества фаланги не менѣе очевидны. Покупки въ розницу, небольшими партіями, черезъ частые промежутки, при огромной затратѣ времени, будутъ замѣнены правильно организованнымъ пріобрѣтеніемъ продуктовъ, нужныхъ для фаланги, и сбытомъ ея собственныхъ произведеній.

Всѣ эти огромныя сбереженія дадутъ возможность достигнуть, при гармоническомъ устройствѣ общества, такихъ степеней богатства, о которыхъ мы теперь и не мечтаемъ. На мѣстѣ теперешнихъ хижинъ будутъ воздвигнуты роскошные дворцы.

Фурье съ особенною любовью останавливается надъ описаніемъ соціальнаго дворца будущаго, фаланстера.

Это прекрасное зданіе, планъ котораго Фурье даетъ во всѣмъ мельчайшихъ подробностяхъ. Фаланстеръ окруженъ садами; рядомъ съ нимъ помѣщаются промышленныя мастерскія, сельско-хозяйственныя постройки, распланированныя такимъ образомъ, чтобы не портить общаго вида. Самъ фаланстеръ и всѣ хозяйственныя постройки соединены закрытой галлереей — каналомъ, по которому циркулируетъ жизнь фаланги. Галлерея эта широка и просторна, обставлена тропическими цвѣтами, полна свѣта и воздуха; въ ней устраиваются общественныя собранія, выставки, балы, концерты. Въ фаланстерѣ помѣщается храмъ и театръ.

Каждый выбираетъ себѣ въ фаланстерѣ квартиру по своему вкусу, причемъ предоставляется усмотрѣнію каждаго меблировать ее собственною мебелью, или получать полную обстановку за извѣстную плату отъ фаланги.

Какимъ же образомъ должна быть организована работа фаланги? Вопросъ этотъ является основнымъ для всей системы Фурье и въ разрѣшеніи его нашъ авторъ проявляетъ наибольшую оригинальность. Фурье не признаетъ вредныхъ страстей или влеченій. Человѣкъ устроенъ такимъ образомъ, что всѣ его страсти естественно образуютъ согласный, гармоничный рядъ. Наши страсти суть элементъ неизмѣняемый и постоянный, а общественныя формы—преходящій и измѣнчивый. Поэтому, не страсти людей должны приспособляться къ общественному устройству, а соціальное устройство должно быть таково, чтобы страсти человѣка на-

правлялись не во вредъ обществу, а на пользу ему. Соотвѣтственно этому принципу — предоставленія полной свободы всѣмъ страстямъ и стремленіямъ человѣка,—долженъ быть организованъ и трудъ въ фалангѣ. Въ ней должна быть полная свобода въ выборѣ занятій для всѣхъ членовъ фаланги. Прирожденныя способности, симпатіи, привычки, знанія опредѣляютъ, какое занятіе изберетъ себѣ каждый членъ фаланги.

Такъ какъ всѣ работы фаланги будутъ совершаться сообща, то естественно возникнутъ группы рабочихъ, занимающихся однимъ и тѣмъ же дѣломъ. Чтобы объяснить, какимъ образомъ возникнутъ группы, Фурье указываетъ на дѣтей. Возьмите какую-нибудь гимназію или пансіонъ. Какое зрѣлище представляютъ собою школьники въ то время, когда они свободны отъ занятій? Они не разбредаются порознь, но среди нихъ сами собой возникаютъ группы. Одни заняты одною игрою, другіе - другой, одни — однимъ дѣломъ, другіе — другимъ. Каждый присоединяется къ той группѣ, которая кажется ему наиболѣе привлекательной.

То же самое должно происходить и среди взрослыхъ людей, если они будутъ предоставлены собственнымъ влеченіямъ, если надъ ними не будетъ висѣть внѣшней силы, противодѣйствующей этимъ влеченіямъ. Современная организація труда, дѣлающая невозможною такую естественную группировку рабочихъ, уже по одному этому должна быть признана никуда негодной. Она порождаетъ отвращеніе къ труду, являющееся такой характерной чертой нашей эпохи. Гармоничная община будетъ въ этомъ отношеніи прямой противоположностью современному строю. Каждый будетъ вы-

бирать себѣ занятіе по вкусу, присоединяться къ той группѣ, которая ему всего болѣе нравится.

Обыкновенно думаютъ, что существуютъ извѣстные роды труда, которые по самому своему характеру непріятны для человѣка. Но это невѣрно. Трудъ данаидъ не можетъ быть привлекательнымъ, но не потому, что онъ требуетъ исключительныхъ усилій, а потому, что онъ безрезультатенъ. Высшая задача соціальной организаціи—полное и гармоническое развитіе силъ человѣка — будетъ разрѣшена только тогда, когда будетъ открыто средство сдѣлать всякій трудъ привлекательнымъ. А это и будетъ осуществлено въ фалангѣ. Каждая группа производителей фаланстера работаетъ сряду не болѣе 2-хъ часовъ. Какъ только трудъ становится утомителенъ и теряетъ свою привлекательность, группа прекращаетъ работу, ея члены входятъ въ составъ новыхъ группъ, и съ новой энергіей принимаются за новую работу.

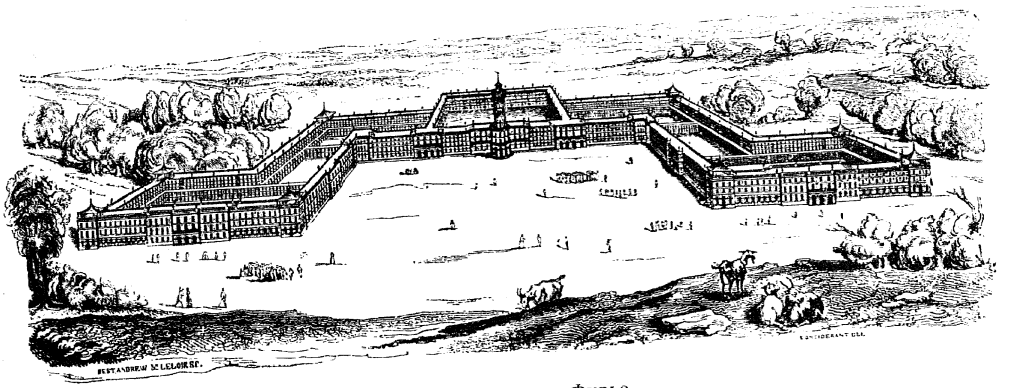
То, что теперь называютъ лѣностью, въ сущности есть не что иное, какъ отвращеніе къ однообразной, монотонной работѣ; это отвращеніе, точно такъ же какъ и честолюбіе и жажда первенства среди рабочихъ, будетъ не ослаблять, а усиливать энергію труда въ фаланстерѣ. Тѣ силы, которыя въ цивилизованномъ обществѣ дѣйствуютъ разрушительно, въ фалангѣ будутъ служить общимъ интересамъ.

Какимъ образомъ будетъ совершаться распредѣленіе продуктовъ въ фалангѣ? Весь продуктъ будетъ дѣлиться на 3 неравныя части: $^{5}/_{12}$ будетъ итти труду, $^{4}/_{12}$—капиталу и $^{3}/_{12}$—на вознагражденіе таланта. Хотя всѣ работы будутъ производиться сообща, равенства вознагражденія въ фа-

ланстерѣ не будетъ. Каждый будетъ получать соразмѣрно своему участію въ производствѣ. И хотя, сравнительно съ современнымъ состояніемъ, доходъ отъ труда возрастетъ въ гораздо большей степени, чѣмъ доходъ отъ капитала, тѣмъ не менѣе и капиталисты не потерпятъ никакого убытка. Доходъ рабочихъ увеличится въ 6—8 разъ, а капиталистовъ—въ 3—4 раза. Сверхъ того, во много разъ увеличится вознагражденіе таланта.

Но, допуская процентъ на капиталъ, Фурье не считаетъ возможнымъ возникновеніе въ фаланстерѣ класса праздныхъ капиталистовъ. Съ одной стороны, всѣ рабочіе въ фаланстерѣ будутъ капиталистами, такъ какъ ихъ доходъ будетъ настолько великъ, что сбереженіе части этого дохода не представитъ никакихъ трудностей. Съ другой же стороны, всѣ капиталисты будутъ работать, такъ какъ работа будетъ наслажденіемъ, а не бременемъ. Вообще, вопросу о системѣ распредѣленія Фурье не придавалъ большого значенія, потому что въ его представленіи фаланга должна обладать такой огромной производительной силой, что потребности каждаго изъ ея членовъ, во всякомъ случаѣ, будутъ удовлетворены достаточно полно.

Не будемъ останавливаться надъ описаніями прелести жизни въ фаланстерѣ, которыя такъ увлекали самого Фурье и его учениковъ. Нашъ утопистъ рисуетъ эту жизнь, какъ постоянный свѣтлый и радостный праздникъ, котораго не будутъ омрачать никакія тѣни, никакое страданіе, никакой диссонансъ. И все это будетъ достигнуто благодаря тому, что организація производства и потребленія въ крупныхъ размѣрахъ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ энергіи труда, вслѣдствіе его привлека-

Планъ фаланстера Фурье.

тельности, дадутъ человѣчеству столько богатства, что люди не будутъ испытывать ни въ чемъ недостатка.

Выработавъ такъ детально экономическую организацію фаланги, ячейки будущаго гармоническаго общества, Фурье не могъ не коснуться и политическаго его устройства. Во главѣ каждой фаланги станутъ свободно избираемыя лица, и высшій глава фаланги — унархъ, явится также свободно избираемымъ лицомъ. Но политической или какой бы то ни было другой власти въ обществѣ, о которомъ мечтаетъ Фурье, не будетъ. Званіе унарха будетъ лишь почетнымъ титуломъ. Что дѣлать власти въ фалангѣ? Всѣ средства насилія будутъ безполезны въ новомъ соціальномъ строѣ, который не будетъ имѣть враговъ, потому что будетъ удовлетворять всѣмъ потребностямъ своихъ гражданъ. Главная причина преступленій въ современномъ обществѣ — бѣдность и нищета — совсѣмъ исчезнетъ. Кто станетъ прибѣгать къ кражѣ, если всякій имѣетъ возможность легко получить все, въ чемъ имѣетъ нужду? Вообще, ни для чего похожаго на правительство въ фалангѣ мѣста нѣтъ.

Какъ только возникнетъ первая фаланга, гармоничность и прелесть устройства ея подѣйствуетъ такъ завлекательно на остальное населеніе, что, мало-по малу, безъ всякаго насилія и принужденія, сами собою начнутъ возникать новыя и новыя фаланги. Постепенно онѣ покроютъ весь міръ, сдѣлаютъ плодородной Сахару и заселятъ пустыни Сибири. Настанетъ земной рай — и человѣкъ благословитъ свою судьбу: люди убѣдятся на опытѣ, что ихъ удѣлъ на землѣ — счастье, полное, глубокое, безграничное, ибо несчастье, горе, зло коренятс

не въ человѣческой природѣ, а въ несовершенствахъ соціальной организаціи...

Что касается до отношеній между отдѣльными фалангами, то они должны быть совершенно свободны и лишены какой бы то ни было внѣшней организаціи. Каждая фаланга является какъ бы независимымъ предпринимателемъ по отношенію ко всѣмъ другимъ. Фаланги продаютъ другъ другу свои продукты, ведутъ ими торговлю и вообще ничѣмъ не стѣснены въ своей хозяйственной дѣятельности.

Соціальный идеалъ Фурье такъ близокъ къ анархическому идеалу, что возникаетъ вопросъ, не слѣдуетъ ли Фурье считать представителемъ анархизма. Дѣйствительно, для всей системы великаго француза характерно полное отрицаніе какой бы то ни было власти, какого бы то ни было принужденія.

Фурье заходитъ въ этомъ отношеніи такъ далеко, что отрицаетъ даже нравственное принужденіе. Онъ безусловный аморалистъ (отрицатель нравственнаго долга) и въ этомъ отношеніи является предшественникомъ Ницше и аморализма нашего времени. Задача созданной его воображеніемъ соціальной системы—дать полный просторъ, полную свободу человѣческимъ страстямъ и влеченіямъ и привести ихъ въ такое согласіе, въ такую гармонію, чтобы ихъ собственная свободная игра обезпечивала наибольшее счастье всѣхъ. «Всѣ измышленія философіи,—писалъ Фурье,—называемыя обязанностями, не имѣютъ ничего общаго съ истинной природой человѣка; долгъ созданъ людьми, влеченіе же исходитъ отъ Бога. И потому, если желать узнать виды Божества, нужно изучить

влеченіе людей, одну природу, совершенно оставляя въ сторонѣ долгъ, измѣняющій свой характеръ въ каждомъ столѣтіи и въ каждой странѣ, между тѣмъ какъ природа страстей была и остается неизмѣнной у всѣхъ народовъ».

Фурье полагалъ, что созданное его фантазіей устройство общества, называемое имъ гармоніей, вполнѣ разрѣшаетъ задачу обезпеченія наибольшаго счастья всѣхъ при совершенной свободѣ всѣхъ слѣдовать всѣмъ своимъ страстямъ и влеченіямъ. И, конечно, если бы нѣчто подобное когда-либо было достигнуто, то необходимость внѣшняго и внутренняго принужденія—общественной власти и нравственнаго долга—совсѣмъ бы исчезла.

Но можетъ ли это когда-либо быть достигнуто? Возможно ли человѣческое общество, совершенно свободное отъ власти и нравственнаго долга? Научной критикѣ не трудно разрушить все воздушное зданіе Фурье, въ которое онъ вложилъ столько геніальной силы мысли и столько артистическаго чувства.

Такъ, совершено ясно, что фаланга Фурье не есть царство гармоніи человѣческихъ страстей. Для такой гармоніи нужно, чтобы влеченія каждаго отдѣльнаго лица согласовались съ влеченіями другихъ лицъ, съ общими интересами; но какимъ образомъ это будетъ достигнуто въ фалангѣ—остается совершенно непонятнымъ. Каждый работникъ выполняетъ въ фаланстерѣ ту работу и то дѣло, которыя ему всего больше нравятся. Но что, если общество въ этой работѣ не нуждается, а нуждается въ какой-либо иной, для которой не находится охотниковъ въ достаточномъ числѣ? Какъ тогда быть?

Фурье предполагаетъ что существуетъ какое-то внутреннее соотвѣтствіе между влеченіями людей къ той или иной работѣ и общественной потребностью въ продуктахъ именно этого рода труда. Только при существованіи такого внутренняго соотвѣтствія, люди, слѣдуя своимъ внутреннимъ влеченіямъ, могли бы изготовлять какъ разъ тѣ продукты и какъ разъ въ томъ количествѣ, какіе требуются обществомъ.

Но, очевидно, такого внутренняго соотвѣтствія между влеченіями отдѣльныхъ лицъ къ опредѣленнымъ родамъ дѣятельности и общественными потребностями въ опредѣленныхъ продуктахъ не существуетъ и существовать не можетъ, такъ какъ то и другое представляетъ собой обстоятельства совершенно различнаго порядка, зависящія отъ совершенно различныхъ условій и причинъ. Наличность усиленнаго спроса на извѣстный продуктъ—отнюдь не требуетъ, чтобы самый трудъ производства этого продукта былъ особо привлекателенъ для работниковъ. Жемчугъ высоко цѣнится какъ украшеніе, но трудъ добычи жемчуга изъ морскихъ глубинъ ничего въ себѣ привлекательнаго не заключаетъ.

Это простое соображеніе разрушаетъ всю мнимую гармонію фаланстера. На садоводство и другія занятія, связанныя съ работой среди природы, въ фаланстерѣ нашлось бы много охотниковъ; но не всѣ же работы одинаково пріятны сами по себѣ. Кто станетъ ихъ исполнять, если основной законъ фаланстера—слѣдовать только своимъ внутреннимъ влеченіямъ? Безъ внѣшней, а, слѣдовательно, и принудительной организаціи невозможна согласованность отдѣльныхъ частей хозяйственнаго орга-

низма, составляющая неустранимое условіе его жизнедѣятельности.

Итакъ, Фурье не разрѣшилъ задачи согласованія общественнаго и частнаго интереса, а прямо обошелъ эту задачу, признавши ее разрѣшенной. Кромѣ того, оставляя совершенно неорганизованными отношенія между отдѣльными фаланстерами, Фурье сохранилъ въ полной силѣ и всѣ недостатки системы свободной конкуренціи. Отдѣльныя фаланги будутъ вести другъ съ другомъ такую же борьбу, какую теперь ведутъ отдѣльныя капиталистическія предпріятія; отдѣльныя фаланги будутъ неравны между собой по своей экономической силѣ, такъ какъ будутъ располагать землями различнаго качества, различными капиталами и различнымъ личнымъ составомъ членовъ. Въ результатѣ получится такая же анархическая борьба всѣхъ со всѣми, которая составляетъ такое крупное зло существующей хозяйственной системы — борьбы, въ которой слабые должны быть побѣждены сильными.

Такимъ образомъ, внутри фаланги и въ отношеніяхъ ихъ другъ къ другу далеко не будетъ той гармоніи, о которой мечталъ геніальный утопистъ.

II.

Гораздо болѣе успѣха, чѣмъ оуэнистскія общины, имѣли общины, связанныя съ именемъ Фурье. Попытки созданія фаланстера во Франціи не имѣли значенія, но въ Америкѣ идеи Фурье создали широкое и очень любопытное практическое движеніе.

Проповѣдниками ученія Фурье въ Соединенныхъ Штатахъ явились два замѣчательные чело-

вѣка—Брисбейнъ и Грили, въ особенности первый. Онъ много путешествовалъ по Европѣ и послѣ перваго же ознакомленія съ сочиненіями Фурье сталъ его убѣжденнымъ послѣдователемъ. Какъ онъ самъ объясняетъ, въ идеяхъ Фурье его наиболѣе поразила мысль о возможности сдѣлать физическій трудъ привлекательнымъ и пріятнымъ. «Сдѣлать привлекательной эту область грубаго, уничижающаго труда, — этотъ грустный удѣлъ массъ, подавляющій человѣка своимъ прозаическимъ, отупляющимъ, мертвящимъ вліяніемъ, поднять этотъ трудъ и превратить его въ нѣчто, вызывающее восхищеніе и почитаніе — значило произвести величайшій переворотъ, цѣлую революцію».

Вернувшись на родину, Брисбейнъ издалъ книгу, излагавшую систему Фурье. Она имѣла огромный успѣхъ среди американской публики и привлекла въ ряды фурьеристовъ одного изъ самыхъ талантливыхъ журналистовъ Америки—Горація Грили, издателя самой распространенной въ Америкѣ газеты «New-Iork Tribune». Грили предоставилъ извѣстное мѣсто въ своей газетѣ пропагандѣ фурьеризма. Кромѣ того, Брисбейнъ основалъ нѣсколько спеціальныхъ періодическихъ органовъ для той же цѣли.

Въ скоромъ времени по всей странѣ стали основываться общества и кружки фурьеристовъ. Эти общества устраивали лекціи, агитаціонныя поѣздки и отъ времени до времени мѣстные съѣзды фурьеристовъ. Въ 1844 г. въ Нью-Іоркѣ собрался національный конгрессъ фурьеристовъ. Адреса и привѣтствія были получены со всѣхъ концовъ союза. На конгрессѣ единственнымъ средствомъ разрѣшенія соціальнаго вопроса была признана фурье-

ристская ассоціація (фаланга). Было рѣшено основать постоянную національную конференцію ассоціацій, имѣющую свой постоянный органъ «Фалангу», и исполнительный комитетъ изъ 18 членовъ. Конгрессъ призналъ необходимымъ созданіе международной организаціи всѣхъ ассоціацій и поручилъ Брисбейну вступить въ сношенія по этому поводу съ фурьеристами Европы. Въ то же время конгрессъ предостерегалъ противъ попытокъ устройства ассоціацій въ слишкомъ маломъ размѣрѣ и недостаточно обезпеченныхъ въ матеріальномъ отношеніи.

Фурье считалъ достаточнымъ для устройства фаланги капиталъ въ 1 милліонъ франковъ, при числѣ участниковъ въ 400 семействъ. Брисбейнъ понизилъ цифру участниковъ до 400 человѣкъ, но повысилъ размѣръ необходимаго капитала до 400 тысячъ долларовъ (по тысячѣ долларовъ на участника). Таковы должны были быть нормальные размѣры ассоціацій, понижать которые было бы опасно.

Единственнымъ примѣромъ болѣе крупной соціалистической ассоціаціи была Нью-Гармони. Фурьеристскія фаланги далеко отстали отъ нея. Тѣмъ не менѣе, онѣ стали быстро выростать на американской почвѣ и за одно пятилѣтіе ихъ возникло не менѣе тридцати въ разныхъ концахъ Америки; больше двухъ лѣтъ просуществовало изъ нихъ только одиннадцать.

Число членовъ въ большинствѣ этихъ общинъ колебалось около одной-двухъ сотенъ. Наиболѣе устойчивыми общинами оказались слѣдующія четыре: Брукская ферма (6 лѣтъ), Сѣверо-американ-

ская фаланга (12 лѣтъ), Нортгамптонская ассоціація (4 года) и Висконсинская фаланга (6 лѣтъ).

Брукская ферма получила наибольшую извѣстность благодаря тому, что въ нее вошло много извѣстныхъ представителей американской интеллигенціи. Членомъ ея былъ и одинъ изъ самыхъ популярныхъ до настоящаго времени американскихъ писателей – Натаніель Готсорнъ.

Мѣсто для этой ассоціаціи было выбрано очень удачно, недалеко отъ Бостона, среди живописныхъ холмовъ, луговъ и лѣсовъ. Первоначальное основаніе Брукской фермы принадлежало одному религіозному обществу, большинство членовъ котораго перешло къ фурьеризму. Въ составъ ея входило 115 человѣкъ. Всѣ получали одинаковое вознагражденіе за трудъ одинаковой продолжительности. Трудъ каждаго лица долженъ былъ соотвѣтствовать его склонностямъ и вкусамъ. Чтобы трудъ былъ возможно привлекательнѣе, занятія должны были разнообразиться для каждаго. Дѣти моложе 10 лѣтъ и старики старше 70 лѣтъ должны были получать даровое содержаніе, такъ же какъ и неспособные къ труду. Каждый могъ расходовать свой заработокъ и вообще свои доходы по своему усмотрѣнію, но, конечно, фактически большая часть потребностей удовлетворялась при помощи общаго хозяйства.

О привлекательности жизни въ Брукской фермѣ можно судить по тому, что уже послѣ того, какъ община распалась, ея бывшіе члены и даже ихъ потомки сохранили вплоть до нашего времени обычай собираться вмѣстѣ въ лѣтніе мѣсяцы и жить общей жизнью, вспоминая короткій періодъ существованія Брукской фермы.

Брукская ферма была центромъ всего фурьеристскаго движенія во всей Америкѣ. Въ ней издавался главный органъ американскихъ фурьеристовъ и въ ней были сосредоточены лучшія умственныя силы всего движенія. Но именно это, повидимому, и погубило дѣло. Одинъ изъ его участниковъ, докторъ Кодманъ, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ причины неудачи: «у насъ было достаточно философовъ, но не хватало простыхъ тружениковъ, настоящихъ рабочихъ и хорошихъ хозяевъ. Что же было дѣлать? Пустить въ свою среду обыденныхъ людей, способныхъ дѣлать сапоги и шить платье, работать рубанкомъ и пилой, вообще могущихъ съ успѣхомъ исполнять физическія работы, но никогда не читавшихъ Шиллера и Гѣте, а даже, быть можетъ, и Шекспира, Скотта или Бернса, не интересующихся чтеніемъ и философіей»?

Хотя хозяйственныя дѣла общины шли плохо, тѣмъ не менѣе она долго не распадалась—очевидно, потому, что члены ея находили въ совмѣстной жизни и работѣ удовлетвореніе своимъ высшимъ духовнымъ потребностямъ. Крушеніе ея было вызвано внѣшнимъ, случайнымъ несчастіемъ — пожаромъ ея центральнаго зданія, «соціальнаго дворца», который строили втеченіе двухъ лѣтъ и съ окончаніемъ постройки котораго связывались всѣ надежды общинниковъ. Дворецъ неожиданно погибъ въ пламени и это несчастіе оказалось роковымъ; спустя полгода Брукская ферма распалась.

Нортгатмптонская ассоціація просуществовала также нѣсколько лѣтъ. Большинство ея членовъ принадлежало, какъ и въ Брукской фермѣ, къ людямъ образованныхъ и достаточныхъ классовъ.

Причина крушенія этой общины, по мнѣнію ея основателя, Самуеля Гилля, заключалась въ недостаткѣ денежныхъ средствъ, которыми она располагала.

Висконсинская фаланга (180 членовъ) просуществовала столько же времени, какъ и Брукская ферма. Но, въ отличіе отъ этой послѣдней, Висконсинская фаланга состояла преимущественно или даже исключительно изъ лицъ рабочаго класса. Она владѣла превосходнымъ имѣніемъ въ 1800 акровъ на правахъ полной собственности. Ея внутренняя организація не представляетъ никакихъ существенныхъ уклоненій отъ обычнаго типа американскихъ фурьеристскихъ общинъ: такая же равная оплата труда и свобода расходованія заработанныхъ денегъ. Что касается исторіи этой фаланги, то она характеризовалась совершенно исключительнымъ хозяйственнымъ успѣхомъ, очевидно, благодаря составу членовъ этой фаланги. Она не только исправно платила по всѣмъ обязательствамъ, но и при ликвидаціи уплатила всѣмъ своимъ пайщикамъ на 8% больше внесеннаго ими пая. Такимъ образомъ, о хозяйственномъ неуспѣхѣ въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи. Почему же она все-таки пала? Вотъ что говоритъ по этому поводу ея основатель, Уоренъ Чезъ. «Причины крушенія были общественнаго характера. Мы не могли сдѣлать жизнь въ общинѣ достаточно привлекательной. Многіе думали, что внѣ общины могутъ достигнуть большаго. Мы не могли побудить другихъ лицъ со средствами примкнуть къ намъ и пріобрѣсти паи тѣхъ членовъ, которые хотѣли уйти, и, въ концѣ концовъ, недовольные получили большинство и вотировали прекращеніе ассоціаціи».

Всего дольше просуществовала Сѣвероамериканская фаланга (112 членовъ). Эта община была наилучше организованной среди всѣхъ американскихъ фалангъ. Между прочимъ, обращаетъ вниманіе характеръ вознагражденія въ ней труда. Различные роды труда оплачивались не одинаково (въ противность большинству другихъ фалангъ), — трудъ оплачивался тѣмъ выше, чѣмъ онъ менѣе былъ пріятенъ. Такъ напр., кирпичники получали десять центовъ въ часъ, земледѣльцы—восемь центовъ, прислужники и врачъ—только шесть съ четвертью центовъ. Кромѣ этой платы, полагалось добавочное вознагражденіе за особое искусство или талантъ; поэтому руководители извѣстными отраслями хозяйства получали добавочное вознагражденіе — пять центовъ въ день. Исчисленная такимъ путемъ заработная плата колебалась между шестью и десятью центами въ часъ, причемъ 10 центовъ считалось максимумомъ.

Продолжительность труда предоставлялась усмотрѣнію каждаго, также какъ и выборъ занятія. Въ концѣ года разверстывался между участниками дѣла общій избыточный доходъ, причемъ на долю труда приходилось въ среднемъ около 13 долларовъ, а капиталъ оплачивался приблизительно 5%.

Жизнь въ общинѣ обходилась очень дешево. Комната оплачивалась 12 долларами въ годъ. Кушанья получались по картѣ, причемъ чашка кофе съ молокомъ стоила полъ-цента, мясное блюдо—два цента и т. д. Кромѣ того, каждый членъ платилъ 36 центовъ въ недѣлю за право пользованія столовой, освѣщеніемъ и за услуги подающихъ кушанья. Обѣды отмѣчались по книжкѣ и къ концу каждаго мѣсяца дѣлался подсчетъ.

Община выстроила огромный домъ, въ которомъ свободно размѣстились ея члены. Этотъ домъ представлялъ собой нѣкоторое подобіе фаланстера, о которомъ мечталъ Фурье. Конечно «соціальный дворецъ» сѣвероамериканской фаланги не отличался пышностью и великолѣпіемъ своего образца. Но все же это было обширное трехъэтажное зданіе изъ двухъ сходящихся подъ прямымъ угломъ корпусовъ, каждый свыше 20 саженей длиной. Комнаты въ «соціальномъ дворцѣ» были просторны, свѣтлы и изящно убраны: особенно внушительное впечатлѣніе производила огромная главная зала. «Соціальный дворецъ» былъ окруженъ цвѣтниками и вьющимся виноградомъ. Немного поодаль были аллеи съ тѣнистыми деревьями. По близости располагались и два плодовыхъ сада; площадь одного изъ нихъ превышала 40 акровъ (около 15 десятинъ). Неподалеку протекала рѣка, по берегамъ которой были также разбиты аллеи; на этой же рѣкѣ была построена мельница, работавшая съ большимъ успѣхомъ и покрывшая своими доходами большую часть расходовъ общины.

Главнымъ занятіемъ членовъ фаланги было земледѣліе и садоводство. Фаланга производила значительное количество фруктовъ, находившихъ хорошій сбытъ въ Нью-Іоркѣ.

Жизнь въ фалангѣ протекла настолько пріятно, что, по словамъ позднѣйшаго издателя New-Iork Tribune, Микера, посѣтившаго поселеніе, образовавшееся на мѣстѣ фаланги послѣ ея распаденія, и бесѣдовавшаго со многими ея бывшими членами, «послѣдніе считали время, проведенное въ фалангѣ, счастливѣйшимъ временемъ своей жизни».

Община располагала живописнымъ и очень плодороднымъ участкомъ земли въ 700 акровъ въ 40 миляхъ отъ Нью-Іорка. Въ хозяйственномъ отношеніи община имѣла несомнѣнный успѣхъ, хотя и не столь значительный, какъ Висконсинская фаланга. Она уплачивала исправно отъ 4,4 до 5,6% на паевой капиталъ и должную заработную плату всѣмъ своимъ членамъ, а также и постороннимъ рабочимъ, которые иногда, при особомъ скопленіи работы, привлекались къ разнаго рода хозяйственнымъ операціямъ на ряду съ членами.

Однако, въ концѣ концовъ рухнула и эта фаланга. Дѣла ея шли такъ же удачно, какъ и раньше, и ничто не предвѣщало ея близкаго конца. Но вотъ осенью 1854 г. происходитъ пожаръ на мельницѣ. Пожаръ этотъ отнюдь не могъ считаться непоправимымъ несчастіемъ, такъ какъ Грили предложилъ ссудить сумму, нужную для возобновленія мельницы. Было назначено общее собраніе членовъ для обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ построенной новой мельницы. На этомъ собраніи, совершенно неожиданно для большинства присутствовавшихъ, такъ сказать самъ собой, возникъ новый вопросъ—не нужно ли, вмѣсто постройки новой мельницы, ликвидировать все дѣло—и ливидація была рѣшена, къ общему изумленію, огромнымъ большинствомъ голосовъ.

Очевидно, дѣло было не въ случайномъ внѣшнемъ несчастіи, а въ чемъ то иномъ. Въ чемъ же? Почему пала «Сѣвероамериканская фаланга», какъ и «Висконсинская фаланга» и всѣ прочія организаціи, того же рода?

Болѣе глубокія причины неудачи подобныхъ

организацій коренятся вовсе не въ невозможности ихъ хозяйственнаго успѣха. Напротивъ, исторія Висконсинской и Сѣвероамериканской фаланговъ говоритъ обратное: какъ хозяйственныя организаціи, онѣ оказались вполнѣ жизнеспособны.

Онѣ погибли потому, что не было достаточнаго основанія для продолженія ихъ существованія. Члены колоніи могли съ такимъ же успѣхомъ заработать нужное для жизни оставаясь членами общины, какъ и внѣ ея, на сторонѣ. То скромное довольство, которое обезпечивали общины своимъ членамъ, доступно въ Америкѣ каждому хорошему работнику при обычныхъ условіяхъ труда. А такъ какъ въ составъ организацій разсматриваемаго рода обычно входятъ люди незаурядные, съ большей чѣмъ обычно иниціативой и предпріимчивостью, то ясно, что съ чисто хозяйственной стороны даже самая успѣшная соціалистическая община не заключаетъ въ себѣ ничего, что могло бы заставить дорожить ею человѣка способнаго, съ головой на плечахъ и умѣющаго работать.

Если Сѣвероамериканская фаланга такъ долго была дорога ея членамъ, то не потому, что внѣ ея общинникамъ угрожали лишенія. Члены фаланги видѣли въ ней зарю новаго соціальнаго будущаго, соціальную организацію, долженствующую преобразовать міръ и перестроить современное общество на новыхъ началахъ. Именно во имя этой вѣры люди устраивали фаланги, а вовсе не во имя своего хозяйственнаго благополучія.

Когда эта вѣра исчезла—когда опытъ показалъ, что фаланги не размножаются, не вытѣсняютъ господствующихъ капиталистическихъ организацій а, въ лучшемъ случаѣ, только отстаиваютъ съ

большимъ трудомъ свое существованіе—тогда продолженіе существованія фаланги утрачивало свой прежній смыслъ. Для чего жить въ фалангѣ, когда можно существовать и внѣ ея—должны были говорить себѣ ея члены и не могли не придти къ рѣшенію, что самое простое—разойтись въ разныя стороны.

И они расходились, даже въ томъ случаѣ, когда община имѣла хозяйственный успѣхъ—доказывая этимъ, что вовсе не хозяйственные интересы объединяютъ участниковъ подобныхъ организацій.

Глава III.

Икарійскія общины.

Наибольшую устойчивость среди всѣхъ общинъ, связанныхъ съ пропагандой такъ назыв. утопическаго соціализма, проявила община «Икарійцевъ»—послѣдователей Кабэ.

Кабэ былъ такимъ же врагомъ соціальной революціи и насилія, какъ и другіе соціалисты первой половины 19 вѣка. «Насильственныя революціи—говорилъ Кабэ въ своей «Икаріи»—являются войнами со всѣми ихъ случайностями: онѣ крайне трудно осуществимы, такъ какъ правительство, благодаря самому факту своего существованія, обладаетъ огромной силой въ своей организованности, во вліяніи аристократіи и богатства, въ своей законодательной и исполнительной власти, въ государственной казнѣ, въ арміи, національной гвардіи, судахъ, полиціи, въ тысячахъ способахъ подкупа и раздѣленія враждебныхъ силъ... Народъ не впервые желаетъ революціи; съ самаго начала исторіи не проходило, быть можетъ, года, чтобы каждый народъ не чувствовалъ потребности сбросить иго аристократіи для завоеванія своихъ естественныхъ правъ; и, несмотря на это, какъ мало революціонныхъ попытокъ, сравнительно съ желаніями таковыхъ! И среди ре-

ЭТЬЕННЪ КАБЭ

наканунѣ отъѣзда въ Америку въ ноябрѣ 1848 г.

волюціонныхъ попытокъ, какъ мало удавшихся! А среди этихъ послѣднихъ, какъ мало революцій, достигшихъ своихъ цѣлей и не искаженныхъ или совсѣмъ не уничтоженныхъ впослѣдствіи аристократіей»!

Но даже вполнѣ удавшаяся соціальная революція не кажется желательной Кабэ. Насиліе бѣдныхъ надъ богатыми есть такое же зло, какъ и насиліе богатыхъ надъ бѣдными. Коммунисты должны слѣдовать примѣру первыхъ христіанъ: ихъ единственнымъ орудіемъ должна быть мирная проповѣдь новой вѣры, но проповѣдь энергичная, неутомимая, полная энтузіазма и самопожертвованія. «Если коммунизмъ—химера, то свободное обсужденіе докажетъ это и народъ отвергнетъ коммунизмъ; но если эта доктрина есть сама истина, она пріобрѣтаетъ многочисленныхъ сторонниковъ среди народа, среди ученыхъ, среди аристократіи; и чѣмъ больше она будетъ имѣть сторонниковъ, тѣмъ скорѣе будетъ идти дальнѣйшій ихъ ростъ... Итакъ—призываетъ Кабэ—къ коммунизму будущаго единственной силой разума и истины! Какъ бы ни была далека побѣда, силой общественнаго мнѣнія она будетъ достигнута скорѣе и прочнѣе, чѣмъ при помощи насилія. И мое убѣжденіе въ этомъ такъ глубоко, что, если бы я держалъ революцію зажатой въ своей рукѣ, я не открылъ бы руки, хотя бы и умеръ въ изгнаніи».

Весьма интересно, что въ своемъ главномъ произведеніи, знаменитомъ романѣ «Икарія», Кабэ высказывается самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ частичныхъ попытокъ осуществленія коммунистическаго строя, которыя, по его мнѣнію «не могутъ принести существенной пользы, но неудача

которыхъ, почти несомнѣнная, можетъ принести много вреда. Нуженъ только прозелитизмъ, ничего кромѣ прозелитизма, пока вся масса народа не выскажется за принципы коммунизма!»

Высказываясь противъ частичныхъ соціальныхъ опытовъ, Кабэ былъ вѣренъ своей доктринѣ централистическаго коммунизма. Для Фурье и Оуэна соціалистическая организація труда укладывалась въ предѣлы отдѣльной общины; Кабэ же представлялъ себѣ коммунизмъ не иначе, какъ въ рамкахъ цѣлаго государства. И потому онъ не долженъ былъ ожидать ничего хорошаго отъ попытокъ созданія коммунистическаго общества въ небольшихъ размѣрахъ.

Но, очевидно, такія попытки лежали въ условіяхъ соціалистическаго движенія той эпохи. И Кабэ не долго устоялъ на своей теоретической позиціи. Его пропаганда имѣла во Франціи огромный успѣхъ; во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ страны были кружки его сторонниковъ, которые организовывали курсы и лекціи коммунизма, распространяли коммунистическую литературу и энергично вербовали новыхъ адептовъ. Кабэ утверждалъ, что число послѣднихъ достигло во Франціи передъ февральской революціей 400 тысячъ душъ. Этотъ успѣхъ вскружилъ голову автора «Икаріи» и въ 1847 г. онъ выпустилъ призывъ къ икарійцамъ приступить къ осуществленію коммунистическаго общества. «Идемъ въ Икарію!» провозглашалъ онъ въ горячихъ, воодушевленныхъ словахъ, указывая, что «Икарія» лежитъ совсѣмъ близко— въ безконечныхъ степяхъ въ то время почти совсѣмъ незаселеннаго Техаса.

Первый авангардъ икарійцевъ отплылъ въ

Америку за три недѣли до февральской революціи. Хотя взрывъ революціи отвлекъ вниманіе соціалистически настроенныхъ рабочихъ Франціи отъ предпріятія Кабэ, тѣмъ не менѣе нѣсколько сотъ энтузіастовъ коммунизма переплыло океанъ и основало, несмотря на разнообразныя препятствія и затрудненія, коммунистическую общину. Кабэ былъ въ ихъ числѣ.

Первое время икарійцы испытывали большія лишенія и, конечно, ихъ прежняя жизнь на покинутой родинѣ была обставлена большимъ комфортомъ и удобствомъ. Но, мало по-малу, имъ удалось достигнуть извѣстнаго благосостоянія. Икарійская община напоминала собой, по описаніямъ посѣтителей, монастырь, гдѣ царило, правда, самое строгое равенство, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, царила скука и однообразіе монастырской жизни.

Черезъ нѣсколько лѣтъ община распалась въ силу внутреннихъ раздоровъ. Кабэ и меньшинство, оставшееся ему вѣрнымъ, были исключены изъ колоніи. Вскорѣ послѣ этого Кабэ умеръ, но колонія продолжала жить. Меньшинство, выдѣлившееся изъ колоніи, попыталось основать новую общину, которая вначалѣ имѣла успѣхъ, но, въ концѣ концовъ, тоже распалась. Первоначальная колонія вскорѣ послѣ раскола переселилась на новое мѣсто въ штатъ Айова и устроилась среди дѣвственныхъ лѣсовъ, вдали отъ всякихъ населенныхъ пунктовъ. Какъ хозяйственное предпріятіе, община имѣла успѣхъ. Въ 1876 г., въ составѣ 75 членовъ, она уже располагаетъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ цѣнностью около 1 милліона франковъ.

Вотъ такъ описывалъ эту общину одинъ изъ ея посѣтителей.

«Передъ мной была дюжина уютныхъ домиковъ, расположенныхъ по квадрату; посрединѣ большое центральное зданіе съ общей кухней и общей столовой, служащей также заломъ для собраній, увеселеній и театральныхъ представленій; неподалеку—пекарня и прачешная, и многочисленные бревенчатые домики, напоминавшіе о прежней скудной жизни общины... Какъ только раздается ударъ колокола, всѣ спѣшатъ въ столовую, въ которой собираются всѣ 75 членовъ общины, размѣщающіеся вокругъ круглыхъ столиковъ съ чисто французскимъ весельемъ. Надъ дверьми написано большими буквами «равенство», на противоположной стѣнѣ «свобода» Пища сытная и здоровая, но крайне простая. Вечеромъ большинство семействъ собирается опять въ томъ же помѣщеніи, гдѣ болтаютъ, поютъ и играютъ на разныхъ инструментахъ. Всего интереснѣе побывать въ воскресенье вечеромъ. Тогда читаютъ избранныя мѣста изъ сочиненій великаго икарійскаго апостола Этьенна Кабэ, поютъ пѣсни и молодые люди говорятъ рѣчи, полныя энтузіазма къ соціализму».

Въ 1877 году распалась и эта колонія, вслѣдствіе несогласій ея членовъ по принципіальному вопросу о допустимости частной собственности въ предѣлахъ общины. Одна часть общины высказалась въ пользу такой допустимости и основала «Новую Икарію», число членовъ которой достигло въ 1884 г. 34 человѣкъ. Община эта пользовалась извѣстнымъ довольствомъ, но ея члены почти превратились въ обыкновенныхъ американскихъ фер-

меровъ. Другая, болѣе радикально настроенная часть колоніи, переселилась въ Калифорнію и также въ началѣ достигла большого хозяйственнаго успѣха. Въ 1884 году въ ней числилось 52 члена, а имущество колоніи оцѣнивалось въ 60 тыс. долларовъ. Но и эта община отказалась отъ строгаго коммунизма; кромѣ того, она допустила наемный трудъ и, такимъ образомъ, превратилась въ капиталистическое предпріятіе, нѣчто вродѣ акціонерной компаніи. Въ концѣ концовъ она распалась.

«Новая Икарія» просуществовала до 1895 г., когда, по единогласному рѣшенію ея членовъ, община была объявлена прекратившейся. Вотъ что сообщаетъ о прекращеніи ея послѣдній ея президентъ Маршанъ въ письмѣ къ изслѣдователю американскаго соціализма, Гайднсу. Привожу это письмо текстуально.

«Милостивый Государь!

Получилъ Ваше письмо. Со времени Вашего послѣдняго посѣщенія Икаріи наша община испытала большія перемѣны. Сепаратисты остались на прежнемъ мѣстѣ, гдѣ Вы были, а мы были принуждены переселиться на новый участокъ земли, въ одной милѣ разстоянія, и должны были все начать заново. Тѣмъ не менѣе, матеріально мы имѣли полный успѣхъ и привели все въ хорошее положеніе. Къ намъ вступила часть новыхъ членовъ, но часть членовъ ушла. Въ 1895 г., при выборѣ членовъ правленія, Бетанніеръ, выбранный нами въ президенты, отказался отъ этой должности. Рѣшено было назначить новые выборы и намѣтили въ президенты меня. Я отказался отъ это-

го, въ виду моего возраста—мнѣ уже 81 годъ; никто другой не предлагался въ президенты и выборы, такимъ образомъ, состояться не могли. Затѣмъ было нѣсколько собраній, въ которыхъ положеніе было обсуждено со всѣхъ сторонъ и, въ концѣ концовъ, было единодушно рѣшено, что Новоикарійская община должна быть распущена, а все ея имущество раздѣлено между членами согласно договору. По рѣшенію суда раздѣлъ былъ порученъ Бетанніеру. Я уѣхалъ изъ общины въ мартѣ 1895 г. и надѣюсь провести оставшіеся годы въ мирѣ и покоѣ среди членовъ моей семьи и близкихъ друзей. Весь Вашъ А. А. Маршанъ».

Маршанъ былъ много разъ президентомъ общины и состоялъ секретаремъ икарійскаго авангарда, отплывавшаго изъ Франціи въ 1848 г.

Такимъ образомъ, икарійская община просуществовала, несмотря на многочисленные расколы, почти полстолѣтія. Это лучше всего доказываетъ, что икарійцы, вышедшіе изъ Франціи, обладали дѣйствительно выдающимися моральными качествами и отнюдь не были людьми, ищущими только новизны, не боялись лишеній и сумѣли безъ значительной поддержки со стороны, завоевать трудомъ своихъ рукъ извѣстный хозяйственный достатокъ.

Но какъ скромны были, въ сущности, достигнутые ими хозяйственные результаты! Въ концѣ концовъ, они добились не большого, чѣмъ то, чего достигаетъ всякій здоровый заурядный американскій фермеръ.

Въ своемъ коммунистическомъ романѣ Кабэ рисовалъ яркія картины пышности и великолѣпія жизни въ будущемъ коммунистическомъ государствѣ, какъ оно представлялось его воображенію. Реаль-

Постѣдніе Икарійцы.

ная «Икарія», въ лучшіе годы своего существованія, была иной: нѣсколько скромныхъ домиковъ, простая одежда, грубая пища, умѣренный достатокъ и полное отсутствіе какого бы то ни было блеска и какой бы то ни было роскоши. Сосѣди могли относиться къ икарійцамъ съ большимъ уваженіемъ, какъ къ людямъ честнымъ и преданнымъ своему идеалу, но зависти икарійцы внушать не могли и учиться у нихъ было нечему.

Экономическія выгоды соціалистической организаціи труда и потребленія въ предѣлахъ небольшой общины далеко не такъ велики, какъ это представляли себѣ ранніе соціалисты. Въ такой общинѣ невозможно ни значительное раздѣленіе труда, ни крупное производство въ сколько нибудь значительныхъ размѣрахъ. Отдѣльная соціалистическая община не можетъ быть, далѣе, самоудовлетворяющимся замкнутымъ хозяйственнымъ міромъ: она неизбѣжно должна находиться въ мѣновыхъ отношеніяхъ съ окружающимъ ее капиталистическимъ міромъ, составлять клѣточку капиталистическаго организма. Соціалистическая община находится въ такой же зависимости отъ рынка, какъ и всякое другое хозяйственное предпріятіе. Всѣ случайности рынка, колебанія цѣнъ товаровъ, растройства торговаго оборота, промышленные кризисы и другія разрушительныя силы капитализма должны такъ же тяжело поражать коммунистическую общину, какъ и любую акціонерную компанію. Оставаясь коммунистической въ своихъ внутреннихъ отношеніяхъ, такая община въ своихъ внѣшнихъ отношеніяхъ является товарнохозяйственнымъ предпріятіемъ, какъ и всѣ остальныя. Соціалистическая организація можетъ развить всѣ присущія ей гро-

мадныя производительныя силы только въ томъ случаѣ, если она возникнетъ въ крупныхъ рамкахъ современнаго государства. Этого не понимали ранніе соціалисты и въ этомъ была ихъ основная ошибки.

Небольшая соціалистическая община вполнѣ осуществима, какъ хозяйственная организація, даже въ предѣлахъ современной капиталистической системы. Но такъ какъ значительнаго повышенія производительности труда, сравнительно съ обычнымъ хозяйственнымъ предпріятіемъ, она не обѣщаетъ, то, съ чисто хозяйственной стороны, она не имѣетъ достаточно крупныхъ преимуществъ сравнительно съ существующими обычными формами предпріятій и потому не обладаетъ силой вытѣснять эти послѣднія и, замѣщая ихъ, преобразовывать современный капиталистическій строй.

Глава IV.

Религіозно-нравственныя общины Америки.

I.

Если икарійскія общины просуществовали около полустолѣтія, то мы знаемъ примѣры еще гораздо болѣе успѣшныхъ соціалистическихъ организацій. Правда, эти болѣе успѣшныя организаціи возникли на совершенно иной основѣ, чѣмъ икарійскія общины, или вообще какія бы то ни было общины, связанныя съ современнымъ соціалистическимъ движеніемъ.

Уже много разъ указывалось въ литературѣ, что всѣ вполнѣ успѣшныя соціалистическія общины неизмѣнно были основаны на религіозной связи ихъ членовъ. Въ этомъ указаніи есть доля вѣрнаго и невѣрнаго. Совершенно вѣрно, что во всѣхъ случаяхъ, когда соціалистическая организація хозяйства вполнѣ упрочивалась въ извѣстной общественной средѣ, эта среда всегда оказывалась связанной не только хозяйственными, но и морально-религіозными узами. Невѣрно, однако, будто во всѣхъ этихъ случаяхъ религіозные интересы стояли на первомъ планѣ, а хозяйственные только сопутствовали имъ, не играя самостоятельной роли, какъ это мы видимъ, напр., въ коммунистиче-

скомъ хозяйствѣ монастыря. Монастыри представляютъ собой уже издавна хорошо извѣстный типъ коммунистической организаціи, которая, конечно, никакого мѣста въ исторіи соціализма играть не можетъ по той причинѣ, что основная цѣль монастырской организаціи ничего общаго съ хозяйствомъ не имѣетъ.

Религіозный интересъ объединяетъ людей въ монастырѣ, и если монастырь является въ то же время извѣстной хозяйственной организаціей, то только потому, что внѣ хозяйства вообще жизнь невозможна. Каковъ бы ни былъ строй хозяйства въ монастырѣ, этотъ строй опредѣляется не хозяйственными интересами членовъ данной организаціи, а соображеніями иного порядка. Успѣхъ коммунистической организаціи хозяйства въ такой средѣ не даетъ никакихъ указаній относительно жизнеспособности ея въ средѣ, для которой религіозные интересы отнюдь не являются преобладающими.

Все это необходимо имѣть въ виду, чтобы правильно оцѣнить значеніе хозяйственныхъ успѣховъ соціалистическихъ общинъ, возникшихъ на религіозный почвѣ, но отнюдь не имѣвшихъ и не имѣющихъ монастырскаго характера. Въ монастырѣ мы видимъ подборъ людей съ особенно сильными религіозными интересами, настолько сильными, что цѣли личнаго благополучія отступаютъ на задній планъ. Религіозныя же общины, о которыхъ будетъ идти рѣчь, представляютъ собой собранія людей, у которыхъ религіозные интересы хотя и сильнѣе, чѣмъ у обычнаго средняго человѣка (что доказывается самымъ фактомъ выдѣленія данной группы людей въ особую религіозную общину), но

все-же не настолько сильны, чтобы уничтожить обычные мотивы человѣческаго поведенія. При возникновеніи этихъ общинъ происходитъ извѣстный подборъ людей опредѣленныхъ (и сильныхъ) религіозныхъ интересовъ. Но въ дальнѣйшемъ существованіи общины этотъ подборъ долженъ, по необходимости, прекратиться, если только въ ней существуетъ бракъ и семья, и община пополняется новыми, родившимися въ ея средѣ членами. Эти новыя поколѣнія являются членами общины по рожденію, а не по искусственному подбору—и въ этомъ существенное различіе такихъ общинъ отъ религіозныхъ организацій, слагающихся изъ людей, сблизившихся между собой на почвѣ религіознаго интереса.

Самымъ выдающимся примѣромъ коммунистической организаціи, объединяющей людей опредѣленной религіозной секты, но существующей уже много десятилѣтій въ составѣ тѣхъ же семей и ихъ потомства, является знаменитая американская коммунистическая община Амана. Исторія ея такова.

Еще въ началѣ XVIII вѣка въ Германіи возникла секта, къ числу вѣрованій которой принадлежало и то, что Богъ посылаетъ отъ времени до времени особыхъ пророковъ, являющихся носителями божественнаго вдохновенія и обладающихъ, поэтому, божественнымъ авторитетомъ. Основатели секты признавались ихъ послѣдователями именно такими пророками. Секта вызвала много гоненій вслѣдствіе столкновеній ея съ мѣстными религіозными властями, а также и вслѣдствіе ея стремленія привести весь строй своей жизни въ соотвѣтствіе съ евангельскимъ идеаломъ. Тѣмъ не менѣе, ни къ какой коммунистической организаціи

секта первоначально не стремилась, хотя и признавала необходимость широкой благотворительности и взаимопомощи. Преслѣдованія привели къ болѣе тѣсному сплоченію между собой членовъ секты. Необходимость переселенія нѣкоторыхъ ея членовъ изъ ихъ родныхъ мѣстъ привела къ тому, что въ сектѣ возникла первая коммунистическая организація—общее веденіе хозяйства на арендованномъ земельномъ участкѣ и устройство за общій счетъ нѣсколькихъ ткацкихъ мастерскихъ, съ цѣлью обезпеченія существованія тѣмъ членамъ секты, которые не имѣли иного заработка.

Однако, на своей родинѣ секта не могла создать для себя сносныхъ условій существованія. Сама собой возникла мысль о переселеніи въ Новый Свѣтъ, которая и получила осуществленіе въ 1842 г.

Всего изъ Германіи переселилось около тысячи членовъ секты. Въ Америкѣ хозяйство всей общины было съ самаго начала организовано на коммунистическихъ началахъ: община пріобрѣла за общій счетъ обширный участокъ земли, на которомъ и организовала общее производство и потребленіе. Первоначально купленный участокъ земли пришлось перепродать, и въ концѣ концовъ община прочно устроилась въ штатѣ Айова, гдѣ она существуетъ и въ настоящее время.

Община Амана владѣетъ теперь земельной площадью свыше 26 тысячъ акровъ. Число членовъ ея правильно увеличивается, хотя не быстро. Вотъ соотвѣтствующія данныя:

1871 г.	1466	членовъ.
1881 »	1521	»
1891 »	1688	»
1901 »	1767	»

Увеличеніе числа членовъ происходитъ путемъ естественнаго прироста. Бросается въ глаза медленный темпъ этого прироста—за послѣднее десятилѣтіе приростъ не достигъ и пяти процентовъ. Повидимому, это объясняется очень большимъ процентомъ въ составѣ населенія лицъ преклоннаго возраста. По этому поводу извѣстный экономистъ Лифманъ, лично посѣтившій Аману, равно какъ и другія религіозныя общины коммунистическаго характера въ Америкѣ, замѣчаетъ, что ему бросились въ глаза долговѣчность членовъ коммунистическихъ колоній. Въ Аманѣ онъ нашелъ 37 стариковъ свыше восьмидесяти лѣтъ.

Община состоитъ изъ 7 деревень, изъ которыхъ каждая имѣетъ особый отель для посѣтителей со стороны. Отели эти далеко не пустуютъ, такъ какъ община играетъ для окружающаго населенія роль курорта, куда въ лѣтнее время стекается множество гостей, привлекаемыхъ красивымъ мѣстоположеніемъ, а также дешевизной и добросовѣстностью содержанія.

Все имущество общины оцѣнено властями для налоговыхъ сборовъ въ 1901 г. въ 1.645 тысячъ доларовъ (въ 1891 г.—въ 1.320 тыс.; приростъ цѣнности зависѣлъ отъ роста цѣнности земли).

Каждая семья живетъ въ особомъ домѣ. Какъ общее правило, браки совершаются между членами общины; случаи браковъ между членами общины и посторонними являются исключеніемъ. Столуются члены общины не дома, но въ общественныхъ столовыхъ, которыхъ въ каждой деревнѣ имѣется отъ 4 до 16. Въ этихъ столовыхъ, равно какъ и во время богослуженія и во всѣхъ общественныхъ собраніяхъ, мужчины и женщины зани-

мають особыя мѣста. Пища, по словамъ Лифмана, не изысканная, но превосходнаго качества.

Другіе предметы потребленія (кромѣ пищи) члены общины получаютъ изъ общественныхъ магазиновъ, которыхъ имѣется по одному въ каждой деревнѣ. Никакой платы за эти предметы не производится (въ денежной формѣ), но цѣна купленнаго предмета записывается на счетъ покупателя, причемъ каждому члену открывается опредѣленный кредитъ, не совершенно одинаковый, но измѣняющійся въ узкихъ предѣлахъ, въ соотвѣтствіи съ потребностями даннаго члена. Размѣръ кредита на одного члена колеблется между 25 и 40 долларовъ въ годъ. Въ предѣлахъ этого кредита каждый выбираетъ предметы потребленія совершенно свободно. Допускается и превышеніе, въ небольшихъ размѣрахъ, назначеннаго кредита. Но община разрѣшаетъ своимъ членамъ и значительно большіе расходы, когда это необходимо — напр. при жизни на сторонѣ для полученія образованія (нѣкоторые члены общины учились въ Нью-Іоркскомъ университетѣ).

Одежду женщины шьютъ для себя и своихъ дѣтей сами; для мужчинъ одежду шьютъ особые портные. Одежда мужчинъ имѣетъ обычный характеръ, но одежда женщинъ довольно своеобразна: онѣ носятъ на головѣ большой черный платокъ, который совершенно покрываетъ волосы. Вообще одежда и женщинъ, и мужчинъ отличается крайней простотой и отсутствіемъ какихъ бы то ни было украшеній.

Лифманъ отмѣчаетъ, что общій строй жизни аманитовъ носитъ на себѣ отпечатокъ аксетическаго духа; въ общинѣ совершенно отсутствуетъ

элементъ развлеченій (употребленіе музыкальныхъ инструментовъ запрещено). Однако, въ настоящее время не замѣтно особенно сильнаго религіознаго чувства и воодушевленія, которыя характеризовали секту при ея возникновеніи. Главнымъ (но далеко не единственнымъ) занятіемъ жителей является земледѣліе. Часть земли сдается въ аренду, такъ какъ многіе изъ членовъ общины предпочитаютъ работу въ мастерскихъ. Большая часть наемныхъ рабочихъ общины (число доходитъ до 200) также занята въ земледѣліи.

Живой инвентарь общины довольно великъ: она имѣетъ 950 быковъ, 700 коровъ, 3000 овецъ, 2000 свиней и очень много птицъ. Община воздѣлываетъ виноградъ и приготовляетъ изъ него для своихъ надобностей вино, въ то время какъ въ окружающей мѣстности культура винограда неизвѣстна.

Однако, несмотря на то, что сельское хозяйство поглощаетъ большую часть рабочихъ силъ общины, большую часть своихъ доходовъ община получаетъ не изъ сельскаго хозяйства, а отъ промышленности. Община имѣетъ свои мельницы, кузницы, мыловаренные заводы, суконную и ситцепечатную фабрики. На суконной фабрикѣ работаетъ около 125 человѣкъ, въ томъ числѣ 16—18 не членовъ общины, на ситцепетатной 26—35 членовъ общины.

Техническое снаряженіе фабрикъ нѣсколько старомодно, но имѣются и машины самой навѣйшей конструкціи, а также машины, изобрѣтенныя членами общины, на которыя община не беретъ патентовъ, потому что не стремится извлекать изъ нихъ нетрудовой доходъ. Движущей силой всѣхъ этихъ машинъ является частью вода, частью паръ.

Лифмана поразилъ характеръ работы на этихъ

фабрикахъ. Здѣсь не было ничего похожаго на типъ обычной американской фабричной работы. Работаютъ не спѣша, съ продолжительными отдыхами и со всевозможными удобствами; вблизи мѣста работы у каждаго рабочаго имѣется удобный стулъ, чтобы посидѣть и отдохнуть. Все это производитъ на человѣка, привыкшаго къ условіямъ работы на капиталистической фабрикѣ, впечатлѣніе чего-то очень страннаго. Въ такой хозяйственной организаціи, какъ Амана, подобный характеръ работы, однако, вполнѣ естественъ и понятенъ; вѣдь аманиты работаютъ не для обогащенія капиталиста, а ради собственной пользы—для чего же имъ надрывать свои силы утомительнымъ трудомъ? Несмотря на медленность работы (или именно вслѣдствіе ея), продукты аманитскихъ фабрикъ пользуются высокой репутаціей во всей странѣ и сбываются безъ малѣйшаго затрудненія. Лифманъ считаетъ, что фабричное производство Аманы могло бы быть легко расширено въ огромныхъ размѣрахъ, если бы только община этого пожелала; но она не стремится къ богатству и не пользуется благопріятными условіями сбыта своихъ продуктовъ для расширенія ихъ производства.

Согласно утвержденному уставу Аманы, она является «религіозной общиной, преслѣдующей не земныя цѣли, а приближеніе къ божественной любви и выполненіе Божескихъ завѣтовъ». Община управляется ежегодно переизбираемыми старѣйшинами. Каждый членъ общины обязанъ при вступленіи въ нее передать ей все свое имущество, какъ движимое, такъ и недвижимое. При уходѣ изъ общины онъ имѣетъ право требовать возвращенія внесеннаго имущества.

Число вновь поступающихъ въ общину членовъ невелико; почти всегда это нѣмцы изъ Германіи, а не окружающіе жители. Большинство молодежи, родившейся въ общинѣ, остается въ ней навсегда.

Хотя Амана является самой крупной изъ существующихъ коммунистическихъ общинъ, она практикуетъ коммунизмъ отнюдь не какъ средство разрѣшенія современнаго соціальнаго вопроса, а только какъ форму хозяйства, всего болѣе соотвѣтствующую духу христіанской любви. Поэтому ни къ какой пропагандѣ коммунизма Амана не стремится.

Вообще въ Аманѣ бросается въ глаза слабость интеллектуальной жизни: для всѣхъ семи деревень Аманы имѣется всего одна общественная библіотека, и община не издаетъ ни одного періодическаго органа. Она живетъ своей собственной, замкнутой, уединенной жизнью, отнюдь не вліяя на формы быта окружающаго населенія и не стремясь къ такому вліянію. Пропагаторское вліяніе этой крупнѣйшей коммунистической организаціи міра совершенно ничтожно. Лифманъ говоритъ, что когда онъ разспрашивалъ, подъѣзжая къ Аманѣ, желѣзнодорожныхъ служащихъ и случайныхъ сосѣдей по вагону объ общинѣ съ такимъ своеобразнымъ хозяйственнымъ строемъ, то никто не могъ о ней ему сообщить рѣшительно ничего. Очень характерно, что хотя аманиты живутъ въ Америкѣ уже болѣе семидесяти лѣтъ, разговорнымъ языкомъ ихъ остается нѣмецкій: характерно также и то, что аманитскія женщины носятъ и теперь еще ту самую одежду, того самаго покроя, который ихъ бабушки вывезли въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка изъ ихъ старой родины.

Тѣмъ не менѣе, хотя Амана и не является такой формой хозяйственной организаціи, которая могла бы въ какомъ бы то ни было отношеніи угрожать прочности существующаго хозяйственнаго строя, она несомнѣнно, на опытѣ, доказала свою устойчивость и жизнеспособность. Можно думать, что коммунизмъ Аманы есть окончательная форма хозяйственной жизни данной общественной группы. Въ этомъ смыслѣ опытъ Аманы весьма поучителенъ. Хозяйственный успѣхъ Аманы несомнѣненъ. Около трехсотъ семействъ Аманы располагаютъ общимъ имуществомъ цѣнностью около шести тысячъ долларовъ на семью и около 85 акровъ земли на семью. Если бы это имущество и эта земля были раздѣлены между отдѣльными семьями въ частную собственность, то, вѣроятно, хозяйственное положеніе членовъ данной общины испытало бы ухудшеніе.

Но, съ другой стороны, преимущества коммунистической организаціи въ рамкахъ Аманы не могутъ считаться и особенно значительными. Амана обезпечила своимъ сочленамъ хозяйственный достатокъ—не болѣе. Возможно, что скромность достигнутыхъ хозяйственныхъ результатовъ объясняется тѣмъ, что данная община и не стремится ни къ чему большому. Ставя на первый планъ въ своемъ уставѣ религіозно-нравственныя цѣли, община не ищетъ богатства; не удивительно, что она этого богатства и не имѣетъ.

II.

Мы знаемъ примѣры коммунистическихъ организацій, просуществовавшихъ еще гораздо болѣе продолжительное время, чѣмъ Амана. Въ коллективномъ трудѣ германскихъ соціалистовъ — «Ис-

торіи соціализма», подъ редакціей Каутскаго,— имѣется обширная статья самого Каутскаго, посвященная исторіи самой крупной коммунистической организаціи, которую знала исторія: такъ называемымъ моравскимъ или гутеровскимъ братствамъ перекрещенцевъ. Каждое изъ такихъ братствъ представляло собой коммунистическую общину крупныхъ размѣровъ, въ нѣсколько сотъ человѣкъ, занимавшуюся преимущественно промышленной дѣятельностью. Общее число членовъ этихъ общинъ достигало въ періодъ ихъ наибольшаго расцвѣта шестидесяти тысячъ и болѣе. Общины эти производили въ большихъ размѣрахъ разнаго рода промышленныя издѣлія для сбыта на широкомъ рынкѣ, и издѣлія ихъ славились во всей Германіи. Въ такомъ видѣ общины эти просуществовали около полутораста лѣтъ и только въ половинѣ XVIII вѣка распались, подъ вліяніемъ причинъ чисто внѣшняго характера: перекрещенцы были изгнаны изъ предѣловъ Австріи, переселились въ Турцію и слѣдъ ихъ затерялся. Дальнѣйшая судьба ихъ до послѣдняго времени была неизвѣстна и Каутскій заканчиваетъ свой очеркъ выраженіемъ сожалѣнія, что онъ ничего не можетъ сообщить о дальнѣйшей судьбѣ этой любопытной коммунистической организаціи.

Лифману удалось отыскать во время своей поѣздки по Америкѣ слѣды этихъ перекрещенскихъ братствъ. Оказалось, что исторія ихъ послѣ изгнанія изъ Австріи была такова. Когда они, спасаясь отъ религіозныхъ преслѣдованій, поселились въ Валахіи, то селенія ихъ оказались на пути слѣдованія русскихъ войскъ во время русско-турецкой войны восьмидесятыхъ годовъ XVIII вѣка.

Перекрещенцы обратились къ графу Румянцеву съ просьбой о переселеніи ихъ въ Россію, и онъ поселилъ ихъ въ концѣ вѣка въ Черниговской губерніи, въ своемъ селѣ Вишенкѣ.

Въ сороковыхъ годахъ XIX вѣка гутеровская община изъ Черниговской губ. переселилась въ Таврическую губернію, и основала недалеко отъ Мелитополя колонію Гутерсталь. Вслѣдъ затѣмъ возникло еще нѣсколько гутеровскихъ общинъ въ Таврической и Екатеринославской губерніяхъ. Когда въ 1874 г. въ Россіи была введена всеобщая воинская повинность, гутеровцы не пожелали подчиниться новому закону, несогласному съ ихъ религіозными убѣжденіями, и предприняли новое переселеніе — на этотъ разъ въ Америку, гдѣ ихъ Лифманъ и нашелъ, въ 1908 г., въ Южной Дакотѣ.

Первоначально въ Америкѣ возникло три гутеровскихъ общины. Число членовъ въ этихъ общинахъ быстро увеличилось и въ 1908 г. въ Южной Дакотѣ было уже 12 гутеровскихъ общинъ, съ 1300 членами.

По словамъ Лифмана, посѣщенныя имъ гутеровскія общины живутъ въ настоящее время совершенно также, какъ жили перекрещенцы въ Моравіи въ началѣ XVII вѣка. Коммунизмъ гутеровскихъ общинъ является значительно болѣе полнымъ, чѣмъ въ общинѣ Амана: всѣ семьи гутеровцевъ живутъ въ общихъ домахъ и всѣ предметы потребленія у нихъ общіе. Когда ребенокъ достигаетъ двухъ съ половиной лѣтъ, онъ поступаетъ въ «малую школу» — дѣтскій садъ особаго образца, типъ котораго гутеровцы ввели у себя впервые 300 лѣтъ тому назадъ и съ тѣхъ поръ сохранили въ неизмѣнномъ видѣ. Дѣти въ этой школѣ остаются вте-

ченіе цѣлаго дня, подъ присмотромъ особыхъ «школьныхъ матерей» и «школьныхъ сестеръ». По достиженіи шестилѣтняго возраста дѣти поступаютъ въ «большую школу», гдѣ воспитаніе и образованіе ихъ проходитъ подъ руководствомъ особаго учителя.

Руководство дѣлами общины принадлежитъ въ религіозной области—«служителю слова», въ хозяйственной области—«служителю земныхъ нуждъ». И тотъ, и другой избираются всѣми членами общины. Кромѣ того, община имѣетъ свой совѣтъ старѣйшинъ. Все это сохранилось въ неизмѣнномъ видѣ со времени средневѣковья.

Религіозная книга гутеровцевъ обосновываетъ ихъ коммунизмъ ученіемъ евангелія и доказываетъ это цѣлымъ рядомъ евангельскихъ текстовъ.

Гутеровскія общины, въ противность своимъ прототипамъ XVII вѣка въ Моравіи, совершенно не занимаются промышленной дѣятельностью, а только сельскимъ хозяйствомъ. Члены общины не имѣютъ никакого частнаго денежнаго дохода (который имѣется, какъ мы видѣли, въ Аманѣ).

При вступленіи въ члены общины каждый долженъ передать ей все свое имущество, и община не возвращаетъ этого имущества при выходѣ даннаго члена изъ общины.

Въ жизни общины царитъ рѣзко выраженный аскетическій духъ. Въ ней не допускаются никакія развлеченія, даже самыя невинныя, какъ танцы. Не допускается куренія (не говоря уже объ употребленіи спиртныхъ напитковъ). Община представляетъ замкнутый въ себѣ міръ, чуждающійся всякаго общенія съ остальнымъ міромъ. Этимъ и объясняется, что гутеровскія общины такъ долго

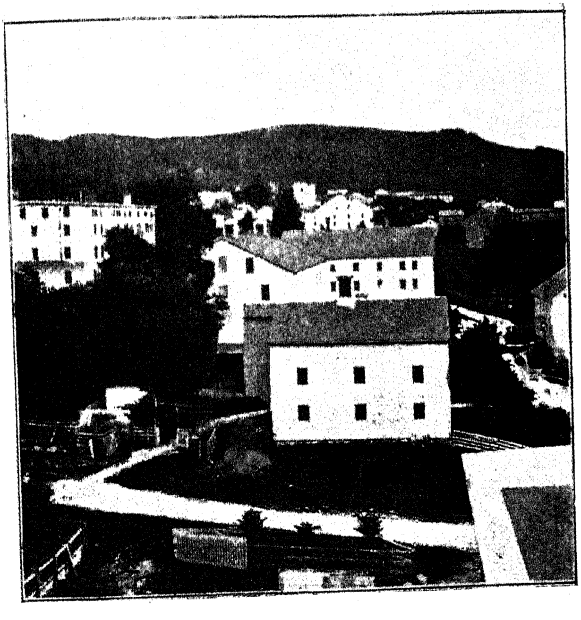
оставались никому неизвѣстными и никѣмъ не были описаны до Лифмана, хотя литература о коммунистическихъ общинахъ Америки громадна.

Хотя гутеровцы покинули свою родину уже въ началѣ XVII вѣка, когда они переселились изъ Тироля въ Моравію, и жили нѣсколько столѣтій среди народовъ, не говорящихъ по-нѣмецки (чеховъ, русскихъ и американцевъ), разговорнымъ языкомъ ихъ остался нѣмецкій, что является лучшимъ доказательствомъ изолированности ихъ отъ окружающаго населенія.

Коммунистическій строй хозяйства до такой степени вошелъ въ ихъ нравы, что они остались ему вѣрны при всѣхъ превратностяхъ ихъ судьбы. Правда, въ Россіи на продолжительное время они были вынуждены отказаться отъ коммунизма и съ 1818 до 1857 г. жили въ условіяхъ частнаго хозяйства. Но лучшимъ доказательствомъ ихъ преданности коммунизму является то, что, при первой возможности, они опять вернулись къ этому строю хозяйства и въ Америкѣ устроили свою жизнь на коммунистической основѣ. По ихъ собственнымъ словамъ, отказъ отъ коммунизма былъ для нихъ равносиленъ общему упадку, а возвращеніе къ коммунизму возстановило ихъ прежнюю силу.

Итакъ, передъ нами примѣръ коммунистической организаціи, которая продержалась уже нѣсколько вѣковъ и настолько вошла въ нравы соотвѣтствующей общественной группы, что послѣдняя оказалась въ силахъ возстановить коммунистическій строй хозяйства послѣ того, какъ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій его не практиковала.

Въ виду того, что гутеровскія общины суще-

Деревня Шекеровъ.

ствуютъ въ формѣ коммунистической организаціи уже нѣсколько вѣковъ, нельзя думать, чтобы основой ихъ коммунизма была исключительная религіозность членовъ этихъ общинъ. Религіозное воодушевленіе не могло бы держаться въ теченіе столь продолжительнаго времени, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ всякія религіозныя преслѣдованія этихъ общинъ прекратились. Скорѣе, наоборотъ, именно коммунистическая организація и вытекающія изъ нея выгоды общаго веденія хозяйства поддерживаютъ въ настоящее время религіозную обособленность гутеровцевъ и изолируютъ ихъ до такой степени отъ всего окружающаго міра.

Гутеровскія общины представляютъ собой примѣръ самой продолжительной коммунистической организаціи. Гораздо менѣе удачны были другія попытки создать на религіозной основѣ коммунистическія общины, хотя такихъ попытокъ въ Америкѣ было не мало.

Одна изъ наиболѣе извѣстныхъ организацій этого рода связана съ сектой шекеровъ. Религіозныя вѣрованія этой секты имѣютъ мистическій характеръ: ея сторонники впадаютъ отъ времени до времени въ религіозный экстазъ, сопровождаемый конвульсіями всего тѣла; у нихъ происходитъ или происходило нѣчто вродѣ нашихъ хлыстовскихъ радѣній. Секта эта появилась въ Америкѣ въ концѣ XVIII вѣка и по религіознымъ соображеніямъ ввела коммунистическій строй хозяйства.

Шекеры отрицаютъ бракъ и берутъ на воспитаніе дѣтей со стороны, въ разсчетѣ, что воспитанныя ими дѣти примкнутъ къ ихъ общинѣ. Въ

половинѣ прошлаго вѣка шекеровъ въ Америкѣ было свыше пяти тысячъ. Въ настоящее время число ихъ въ теченіе многихъ лѣтъ падаетъ, и теперь ихъ насчитывается только около 700 человѣкъ, образующихъ 15 общинъ.

Благодаря сокращенію числа шекеровъ, оставшіеся члены располагаютъ очень крупнымъ имуществомъ; по словамъ Гайднса, они владѣютъ, въ совокупности, не менѣе чѣмъ 100 тысячами акровъ земли. При такомъ значительномъ земельномъ имуществѣ они не имѣютъ возможности сами воздѣлывать землю и сдаютъ ее преимущественно въ аренду, или же обрабатываютъ ее наемнымъ трудомъ.

Такимъ образомъ, шекеровскія общины утратили въ настоящее время коммунистическій характеръ и, безъ сомнѣнія, по мѣрѣ дальнѣйшаго сокращенія числа шекеровъ, все болѣе и болѣе будутъ удаляться отъ своего первоначальнаго коммунистическаго идеала. Но и въ эпоху своего наибольшаго расцвѣта общины эти не представляли бы для насъ интереса, такъ какъ у шекеровъ, благодаря отсутствію брака, религіозныя задачи выступали на первый планъ и опредѣляли собой все остальное.

Изъ другихъ соціалистическихъ общинъ Америки, существующихъ въ настоящее время или существовавшихъ еще недавно, я остановлюсь только на двухъ — общинѣ Онейида и общинѣ Пойнтъ-Лома.

Первая община особенно интересна въ томъ отношеніи, что она сдѣлала попытку создать совершенно новыя формы семьи и брака. Онейида отказалась отъ современной моногамной семьи, но

не для безбрачія, а для свободныхъ соединеній мужчины и женщины по соображеніямъ улучшенія расы. Въ этихъ видахъ въ общинѣ Онейида (подобно тому, какъ это предлагалъ въ своемъ «государствѣ разума» Платонъ) каждый мужчина могъ имѣть много женъ, равно какъ каждая женщина могла имѣть много мужей, причемъ признавались особенно желательными соединенія мужчинъ и женщинъ разныхъ возрастовъ.

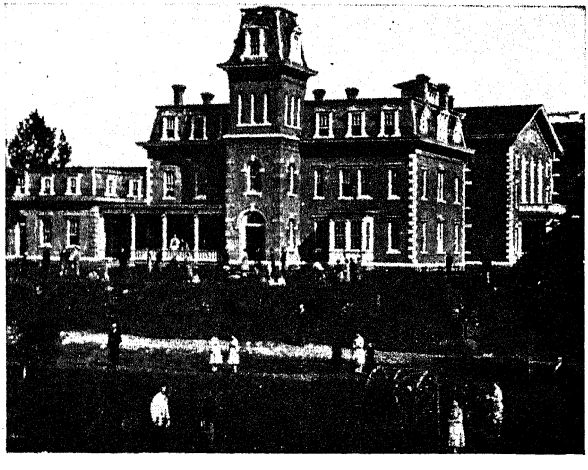
Число членовъ этой общины (вмѣстѣ съ ея отдѣленіями), возникшей въ 1848 г., достигало нѣсколькихъ сотъ (въ началѣ пятидесятыхъ годовъ—около двухсотъ, въ концѣ семидесятыхъ годовъ—около трехсотъ). Среди общины были представители разныхъ профессій и немало людей съ высшимъ образованіемъ. Дѣти разсматривались въ ней какъ дѣти всей общины, и мать не обладала никакими исключительными правами на своего ребенка; всѣ дѣти воспитывались сообща.

За нѣсколько десятковъ лѣтъ своего существованія община достигла значительнаго хозяйственнаго успѣха. Главное зданіе имѣло видъ роскошной виллы или дворца, въ три этажа. Въ этомъ зданіи помѣщалась и библіотека, состоявшая больше чѣмъ изъ пяти тысячъ томовъ. Община имѣла типографію, которая выпустила рядъ цѣнныхъ изданій (между прочимъ «Исторію американскаго соціализма», главы общины Нойеса) и въ теченіе всего времени существованія общины печатала ея періодическій органъ.

Молодежь, выросшая въ общинѣ, получала хорошее образованіе, которое заканчивалось нерѣдко въ одномъ изъ американскихъ университетовъ. Хотя въ основѣ общины и лежали рели-

гіозныя цѣли, тѣмъ не менѣе аскетическій духъ былъ ей совершенно чуждъ. Культурныя развлеченія всячески поощрялись; были особыя помѣщенія для фотографіи. Община имѣла участокъ земли на берегу близлежащаго большого озера, куда лѣтомъ переселялись члены «Онейиды» для рыбной ловли, охоты и вообще разнаго рода спорта.

Главнымъ занятіемъ общины было садоводство, тканье шелковыхъ матерій и разнаго рода слесарныя работы. Внутренняя духовная жизнь «Онейиды» была очень своеобразна. Большое значеніе придавалось полной откровенности во взаимныхъ сношеніяхъ и такъ называемой «взаимной критикѣ», для чего былъ особый постоянный «комитетъ критики», выбранный всѣми членами, и ставившій себѣ задачей открытое обсужденіе личности и поведенія членовъ общины. Кромѣ того, каждый членъ общины могъ подвергать критикѣ каждаго другого члена и по собственной иниціативѣ. Этой открытой и широкой критикѣ члены общины придавали особое значеніе. «Нельзя преувеличивать значеніе взаимной критики при общинной жизни»— писали они. «Она играетъ при коммунизмѣ такую же роль, какую въ обычномъ обществѣ играетъ судъ. Общество не можетъ существовать безъ управленія, безъ извѣстныхъ судебныхъ и полицейскихъ функцій; коммунизмъ же требуетъ для своего наилучшаго развитія системы свободной критики Наша задача заключается въ самоусовершенствованіи, и мы пришли долгимъ опытомъ къ убѣжденію, что свободная критика—добросовѣстное, честное и строгое высказываніе правды—есть лучшее средство для достиженія этой цѣли».

Община Онейида.

При исполненіи разнаго рода хозяйственнаго труда «Онейида» выработала особые пріемы. Такъ, для увеличенія энергіи и производительности труда община прибѣгала къ труду «роемъ»—скопленію большихъ группъ рабочихъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, чтобы общими силами и при наибольшемъ напряженіи силъ выполнить ту или иную трудную работу. При этомъ иногда играла музыка и пѣлись пѣсни. Одежда членовъ общины имѣла свои особенности: женщины, между прочимъ, не носили длинныхъ волосъ.

Хозяйственныя дѣла общины шли хорошо, и и она имѣла бы всѣ шансы на дальнѣйшее благополучное существованіе, еслибы не причины внѣшняго характера. Отношенія половъ въ Онейидѣ навлекли на нее гоненія пресвитеріанскаго духовенства. Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія община отказалась отъ практиковавшейся въ ней формы брака. При этомъ первоначально имѣлось въ виду сохранить безъ всякихъ перемѣнъ общность имущества и труда. Но вскорѣ среди членовъ общины обнаружилось стремленіе вмѣстѣ съ возстановленіемъ обычной семьи перейти и къ обычнымъ формамъ собственности. Въ 1881 г. «Онейида», просуществовавшая въ формѣ коммунистической общины 33 года, была преобразована въ акціонерную компанію.

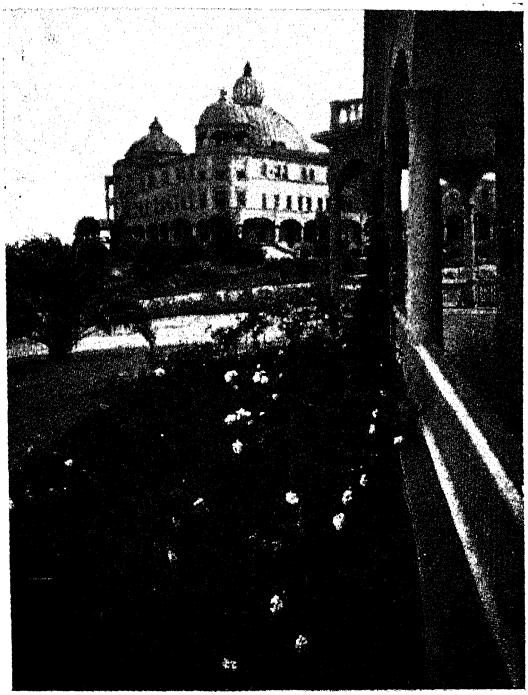
Эта компанія въ финансовомъ отношеніи имѣла полный успѣхъ. Капиталъ ея, при ея возникновеніи, былъ опредѣленъ въ 600 тысячъ долларовъ. Въ настоящее время во главѣ ея стоитъ Гайндсъ, авторъ лучшаго труда по исторіи американскихъ коммунистическихъ общинъ.

Кое-что изъ прежняго духа сохранилось и въ

преобразованной «Онейидѣ», которая является въ настоящее время сложной организаціей, отчасти капиталистической, отчасти кооперативной. Въ 1907 г. капиталъ ея достигалъ уже 1.312 тыс. долларовъ, т. е. съ 1881 г. увеличился болѣе, чѣмъ вдвое. Компанія имѣетъ до двухъ тысячъ наемныхъ рабочихъ, работающихъ въ разнообразныхъ предпріятіяхъ, начатыхъ прежней общиной и продолжающихся съ полнымъ финансовымъ успѣхомъ. Достаточно сказать, что общая стоимость проданныхъ компаніей продуктовъ достигла въ 1906 г. почти двухъ съ половиной милліоновъ долларовъ. Но конечно, въ современномъ видѣ «Онейида» уже не является коммунистической общиной, и успѣхъ ея интересенъ лишь въ томъ отношеніи, что онъ свидѣтельствуетъ о здоровыхъ хозяйственныхъ основахъ прежней общины, передавшей новой компаніи свои хозяйственныя постройки, имущество и начатыя предпріятія.

Община Пойнтъ-Лома является центромъ всемірной теософической организаціи. Возникла она въ 1900 г. въ самомъ живописномъ мѣстѣ Калифорніи, на полуостровѣ, вдающемся далеко въ океанъ и возвышающемся надъ нимъ на 400 футовъ. Со стороны материка горизонтъ заканчивается снѣжными горами. По словамъ основателей общины, ничего болѣе прекраснаго, въ смыслѣ мѣстоположенія, нельзя найти на земномъ шарѣ.

При помощи обширныхъ денежныхъ средствъ, которыми располагаетъ теософическое братство, было воздвигнуто громадное зданіе, представляющее собой, судя по фотографіямъ, настоящій дворецъ причудливой архитектуры, къ которому примыкаетъ цѣлый рядъ другихъ построекъ въ томъ же родѣ

Главное зданіе Всеобщаго братства теософовъ
въ Пойнтъ-Ломѣ.

Въ этихъ зданіяхъ живутъ около 200 взрослыхъ членовъ общины и около 300 воспитываемыхъ ими дѣтей. Къ общинѣ принадлежитъ много образованныхъ людей; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ большое личное состояніе. Никто не получаетъ въ общинѣ никакого вознагражденія за свой трудъ, а только участвуетъ въ общемъ потребленіи.

По словамъ Лифмана, во время его посѣщенія этой общины привратникомъ главнаго зданія былъ извѣстный скрипачъ; въ общинной работѣ принимали участіе одинъ милліонеръ изъ Питтсбурга, вмѣстѣ со своей дочерью, одинъ генералъ со всей своей семьей, нѣсколько писателей и живописцевъ.

Постройки Пойнтъ-Ломы, обошедшіяся болѣе чѣмъ въ милліонъ долларовъ, были возведены при помощи наемныхъ рабочихъ, но въ настоящее время всѣ работы въ общинѣ, исполняются самими ея членами.

Цѣли общины, которая, какъ сказано, располагаетъ крупными капиталами, имѣютъ всецѣло религіозно-этическій характеръ. Община отнюдь не требуетъ отъ своихъ членовъ, чтобы они передавали ей свое имущество, но многіе изъ нихъ добровольно жертвуютъ ей значительныя денежныя средства или щедро оплачиваютъ свою жизнь въ общинѣ. Съ другой стороны, многіе живутъ въ Пойнтъ-Ломѣ на средства общины. Такимъ образомъ, Пойнтъ-Лома является не столько коммунистической общиной, сколько культурнымъ и просвѣтительнымъ филантропическимъ учрежденіемъ, въ задачи котораго входитъ нравственное воспитаніе человѣка путемъ пріученія его къ физическому труду.

За послѣднее время стремленіе къ устройству разнаго рода общинъ, вполнѣ или отчасти соціали-

стическаго характера, очень возрасло, и въ Америкѣ возникло такихъ общинъ не мало. Быть можетъ, среди русскихъ духоборовъ въ Канадѣ съ теченіемъ времени образуется самая крупная коммунистическая организація новаго времени. Гайндсъ сообщаетъ о многихъ подобныхъ общинахъ, существующихъ въ настоящее время—напр. объ общинѣ въ Колорадо, капиталъ который въ 1906 г. опредѣлялся въ 300 тысячъ долларовъ, при 400 членахъ, о соціалистической фермѣ въ окрестностяхъ Бостона, съ 40 членами, о колоніи Эстеро секты «корешанцевъ» съ нѣсколькими сотнями членовъ и т. д. и т. д.

Глава V.

Колонія „Криница“.

Изъ современныхъ соціалистическихъ колоній внѣ Америки я остановлюсь только на одной—извѣстной колоніи «Криница» на Черноморскомъ побережьѣ.

Колонія эта праздновала въ маѣ прошлаго года двадцатипятилѣтіе своего существованія. Исторія ея, описанная въ только что вышедшей книгѣ «Четверть вѣка Криницы», такова.

Иниціаторами этой колоніи были три лица, различнаго общественнаго положенія и характера. Душой всего дѣла слѣдуетъ считать выдающуюся женщину Н. Н. Коганъ, рожденную княжну Друцкую-Соколинскую. Она была захвачена интеллигентскимъ движеніемъ 60—70 годовъ, но, въ противность большинству, не увлекалась революціонной идеей. Скоро она совершенно отошла отъ революціонныхъ кружковъ и стала подыскивать единомышленниковъ для устройства коммуны, въ которой можно было бы наладить жизнь согласно идеаламъ тогдашней интеллигенціи.

Вотъ какъ она сама описываетъ свои исканія.

«Въ 1869 году я, послѣ живой, разносторонней педагогической дѣятельности въ родномъ городѣ,

которой я отдавалась съ жаромъ по окончаніи Смольнаго Института, послѣ того, какъ эта дѣятельность по многимъ причинамъ окончилась крахомъ, пріѣхала въ Петербургъ.

Тяжело было! Стала посѣщать курсы, ботаническія экскурсіи, лабораторіи.

Любила я естественныя науки, увлекалась ими, но чѣмъ больше съ ними знакомилась, тѣмъ большая пропасть разверзалась передъ глазами.

Я чувствовала, что надо наукѣ отдаться цѣликомъ, раздваиваться нельзя.

Одна же эта дѣятельность для меня была нежизненна.

Бросилась въ революціонные кружки.

Почувствовала, что политика мнѣ совсѣмъ уже не по душѣ.

Хотѣлось что-то дѣлать, творить, созидать, а не разрушать.

Скоро я отошла и отъ этихъ кружковъ. Безотчетно тосковала и не знала, къ чему приложить свои, рвущіяся наружу силы.

Ближе всего мнѣ была педагогика, но воспитаніе молодого поколѣнія, при уродливой безсмысленной жизни, безъ нормальной среды—казалось сизифовой работой.

А среда! Гдѣ ее найти?.. Создать?...

Но міръ такой огромный, а я такая ничтожная!

Не выдержала ломки—нервно захворала.

Когда поправилась, стала читать соціальныя книжки, (мало ихъ было тогда), дѣлала выписки, думала, размышляла—а въ промежуткахъ посѣщала курсы, имѣя въ виду двоякую цѣль: учиться и подыскивать единомышленниковъ для какой то, еще не вполнѣ ясной, практической жизни.

Къ концу 1870 года собралось насъ, единомышлящихъ, 16 человѣкъ.

Выработали программу нормальной жизни (среды).

Собирались для бесѣдъ въ квартирѣ Сѣрова, куда стекались курсистки, студенты и прочія лица.

Тутъ бывали Віардо, Волкова, Вильбергъ, Дебогорій-Мокріевичъ, Бларамбергъ и другіе.

Нѣкоторые перебрались къ намъ изъ революціонныхъ организацій.

Программы были широкія.

Хотѣли на весь міръ устроить грандіозную коммуну, всѣхъ осчастливить.

Ночи напролетъ шумѣли, яркія картины рисовались передъ нашими взорами.

Увеличеніе такъ охватило всѣхъ, что когда заявили о необходимости сдѣлать предварительный опытъ коммунальной жизни и для этого собрать средства, то на столъ стали бросать все, что у кого было.

Віардо сорвала часы, брошь, кольца. Бларамбергъ—серьги, всѣ деньги изъ кошелька.

Кто-то принесъ турецкую шаль.

А у одной курсистки ничего не было въ наличности—она немедленно отправилась къ парикмахеру, срѣзала свои чудные волосы и внесла свою ленту въ 3 рубля.

Нанята была квартира на Ждановкѣ, приглашенъ сапожникъ учить ремеслу женщинъ; столяръ-техникъ (Перовскій) учить мужчинъ столярному дѣлу.

Среди женщинъ нашлись умѣющія стряпать, шить, стирать. Онѣ обучали неумѣлыхъ.

Распредѣлили день между физическимъ и ум-

ственнымъ трудомъ, устроили химическую лабораторію.

Среди участниковъ были лектора по физикѣ, математикѣ, физіологіи человѣка.

Читались разные рефераты.

Наше внезапное исчезновеніе изъ поля зрѣнія знакомыхъ заставило многихъ волноваться, говорить о томъ, что безнравственно уводить интеллигентную молодежь въ глушь, въ деревню.

Былъ сдѣланъ доносъ, но обыскъ предупредили. Въ то же время произошелъ расколъ среди нашей группы. Часть осталась въ городѣ, а часть ушла въ Смоленскую губ., въ мое имѣніе».

Однако и въ деревнѣ община не наладилась, и Н. Н. черезъ нѣсколько лѣтъ опять вернулась въ городъ—на этотъ разъ въ Москву. Здѣсь она встрѣтилась съ В. В. Еропкинымъ, изъ богатаго дворянскаго рода Тверской губерніи, человѣкомъ очень образованнымъ и блестящихъ умственныхъ способностей, окончившимъ два факультета Московскаго университета—математическій и естественный. Еропкинъ также увлекался артельной идеей и организовалъ въ Москвѣ мастерскую учебныхъ пособій на артельныхъ началахъ, въ которой изготовлялись разнообразные инструменты и учебныя пособія; многія изъ послѣднихъ были изобрѣтены имъ самимъ.

Дѣла этой артели подъ руководствомъ Еропкина шли настолько хорошо, что члены артели стали зарабатывать значительно больше, чѣмъ прежде. Тѣмъ не менѣе, создатель ея скоро разочаровался въ своемъ дѣтищѣ, потому что увеличеніе заработка нисколько не подняло артельщиковъ морально. «Вмѣсто саморазвитія и соз-

нанія своихъ обязанностей передъ семьей, обществомъ и народомъ, мастеровые заказали себѣ хорошій костюмъ, золоченые часы съ цѣпочкой, котелокъ на голову и галоши на ноги; стали усиленно посѣщать цирки, загородныя гулянія, а семьи ихъ оказались безъ ухода, дѣти—безъ образованія. Мастера увеличили срокъ выучки учениковъ и неохотно ихъ принимали, опасаясь конкуренціи на рынкѣ труда».

Это разочарованіе въ обычной артели было у Еропкина такъ глубоко, что при встрѣчѣ его съ Н. Н. Коганъ онъ поразилъ ее своимъ мрачнымъ видомъ. Его все больше и больше стала привлекать мысль бросить городскія условія жизни и попытаться создать такую общину, которая, по самой своей организаціи, будетъ поддерживать людей на извѣстной моральной высотѣ, не допуская ихъ до моральнаго паденія.

Еропкинъ и Коганъ скоро столкнулись съ сыномъ сельскаго священника З. С. Сычуговымъ. Вотъ что онъ пишетъ о себѣ самомъ:

«Проводя дѣтство въ бѣдной, религіозной семьѣ, я питалъ свой духъ житіями святыхъ и настраивалъ свое воображеніе на идею мученичества за вѣру, Христа, и горько сожалѣлъ о томъ, что нѣтъ теперь уже ни Діоклитіановъ, ни Максиміліановъ, передъ которыми я могъ бы исповѣдывать свою вѣру.

Посты и молитвы меня не удовлетворяли, я мечталъ о дѣятельной борьбѣ, меня притягивала мысль о миссіонерствѣ.

Отдали меня учиться въ бурсу.

Дореформенная бурса способствовала моему

физическому развитію, оставивъ спящими умственныя силы.

Реформа 1871—72 года потребовала расширенія нелюбимыхъ мной древнихъ языковъ.

Кромѣ того, насъ тогда лишили Писарева и Добролюбова, которыми мы горячо увлекались.

Черезъ годъ я вышелъ и поступилъ въ сельско-хозяйственное училище для подготовки въ земскіе учителя.

Не удалось мнѣ и тутъ кончить по обстоятельствамъ, отъ меня независящимъ.

Я былъ арестованъ и высланъ.

Профессія учительства для меня закрылась, и я долженъ былъ рѣшать вопросъ о насущномъ хлѣбѣ, но о такомъ хлѣбѣ, который достается безъ потери образа божьяго, безъ нарушенія моихъ идеальныхъ понятій.

«Вотъ, если бы землица была, думалось мнѣ, — чего бы лучше?

Велико ли счастье мужицкое, велики ли его достатки, а всетаки онъ счастливѣе меня, онъ лучше, нравственнѣе меня, хотя и самъ того не сознаетъ.

Отчего же это? Мужикъ, неучъ, пьяница, буянъ—нравственнѣе меня, человѣка все же образованнаго, вѣрующаго въ человѣческій прогрессъ и стремящагося служить этому прогрессу всѣми силами души? А отъ того, отвѣчалъ я себѣ, что мужицкій трудъ производительный, что земледѣліе—занятіе почтенное и коренное.

«Земледѣліе—это альфа человѣческаго прогресса, а правильная организація земледѣльческаго труда—его омега».

Додумавшись до такихъ истинъ, я избралъ себѣ профессію—земледѣліе.

Но надо было выучиться черному труду, надо было пріобрѣсти выдержку, навыки, мозоли.

Зная по литературѣ дѣятельность Энгельгардта, я списался съ нимъ, и ждалъ приглашенія.

Мнѣ казалось, что письмо его будетъ для меня хвалебнымъ гимномъ, удивленіемъ его передъ моей идеей, но отвѣтъ былъ холодный.

«Пріѣзжайте. Нанимаю. Плачу столько то, кормлю такъ то, требую того-то».

Все же я закрылъ глаза на будущее и поѣхалъ къ нему.

Открытое, симпатичное лицо хозяина, широкій лобъ, небрежно закинутые назадъ густые волосы — носили отпечатокъ силы, красоты, обаятельности, и вселили въ меня ту бодрость, въ которой я такъ нуждался.

Пробылъ я тамъ, въ суровой обстановкѣ цѣлый годъ, и весной 1875 г. уѣхалъ изъ Батищева полный силъ, энергіи и страстнаго желанія тотчасъ же приступить къ практической дѣятельности.

Идеалъ ея былъ: «никого не эксплуатировать, потреблять лишь то, что заработаешь своимъ физическимъ трудомъ. Это голая истина, и, какъ таковая, вѣковѣчна».

Но, не имѣя земли, трудно было ее и обрабатывать.

Приписаться къ крестьянскому обществу—значило изъ мѣщанъ перейти въ податное сословіе, связанное съ тѣлеснымъ наказаніемъ.

Въ одну изъ поѣздокъ по розыску денегъ на покупку земли — я встрѣтилъ своего школьнаго товарища.

Оказывается, онъ бросилъ учительскую про-

фессію, и хочетъ жить сапожнымъ ремесломъ, которое зналъ очень хорошо.

Пробовалъ сѣсть на землю, но неудачно.

Чего же лучше?

Въ главномъ мы солидарны, слѣдовательно, остается подыскать кусочекъ земли, и осуществить интеллигентный поселокъ наличными силами.

А онѣ были незаурядны.

Я—патентованный и крѣпкій работникъ; товарищъ знаетъ ремесло, братъ его — столяръ, сестры—умѣлыя по домоводству и старуха мать—для порядка въ домѣ.

Мы не задавались тогда большимъ, какъ жить своимъ трудомъ, не нанимая никого.

Занявъ у знакомаго тысячу руб. на короткое время, и, арендовавъ въ Вятской губерніи кусочекъ земли, мы приступили къ работѣ.

Я помню, съ какимъ волненіемъ приходилось переживать мелочи житейскія, которыя нарушали цѣлость нашихъ задачъ!

Напримѣръ, мы не могли никакъ рѣшиться заплатить мальчику, сыну сосѣда, за бороньбу, когда нашъ малый былъ боленъ.

Сперва рѣшили ему ничего не платить теперь, а на слѣдующій годъ послѣ учета доходности, дать ему по раскладкѣ, сколько придется.

Но отецъ мальчика сказалъ, что впереди еще что будетъ, а вы ужъ лучше ему двугривенный то отдайте.

Очевидно, онъ не довѣрялъ намъ, и считалъ такой порядокъ ненормальнымъ.

Интересно, что мы, интеллигенты, задаваясь цѣлью вести свою жизнь на началахъ справедли-

вости и внѣдрять ее въ нашихъ сосѣдей, самыя простыя отношенія запутываемъ до невозможности во имя той же идеи справедливости.

Наша ассоціація просуществовала немного болѣе года—съ 1878 по 1879 годъ.

Взаимныя недоразумѣнія заслонили общую идею и привели къ невозможности сотрудничать вмѣстѣ».

Встрѣтившись въ Москвѣ съ Еропкинымъ и Н. Н. Коганъ, Сычуговъ быстро съ ними сблизился. Въ скоромъ времени эти трое, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими товарищами, основали небольшую общину въ Уфимской губ. Уфимская община просуществовала менѣе двухъ лѣтъ: ее выжили преслѣдованія администраціи. Была сдѣлана попытка основать общину въ Полтавской губерніи, но дѣло опять разстроилось по той же причинѣ. Въ концѣ концовъ община возникла на Кавказѣ, на берегу Чернаго моря.

«На Кавказъ, на Кавказъ,—писалъ въ своемъ дневникѣ Сычуговъ, которому было поручено пріискать мѣсто для устройства общины.—Въ страну полуденного солнца и сѣдой старины, куда ходилъ легендарный Язонъ со своими аргонавтами за золотымъ руномъ. Не за золотомъ иду я—я гонюсь за счастьемъ. Много ли нужно для моего счастья? Небольшой клочекъ земли, на которомъ я могъ бы, въ союзѣ съ симпатичными мнѣ людьми, воспитать и вскормить юное поколѣніе въ понятіяхъ абсолютной чести и человѣческаго достоинства».

Такъ возникла на Черноморскомъ побережьи колонія «Криница». Много разъ она была на краю гибели, но, въ концѣ концовъ, уцѣлѣла. Въ періодъ

своего наибольшаго расцвѣта — около 1900 г. — община включала въ себя около 75 человѣкъ, изъ которыхъ, правда, только меньшинство были полноправными членами общины. Наемнымъ трудомъ община пользовалась почти всегда, но лишь по необходимости—въ виду невозможности наличному персоналу общины выполнить ту или иную работу. Большую роль въ хозяйствѣ «Криницы» играли также и «практиканты» — молодые люди, пріѣзжавшіе въ «Криницу» изъ разныхъ концовъ Россіи изъ идейнаго интереса къ общинѣ и работавшіе въ ней наряду съ ея полноправными членами.

Между послѣдними и практикантами нерѣдко возникали неудовольствія и многіе изъ практикантовъ были склонны обвинять общинниковъ въ томъ, что община эксплуатируетъ ихъ трудъ. Но такъ какъ условія жизни и труда общинниковъ ничѣмъ существеннымъ не отличались отъ условій жизни и труда практикантовъ, то обвиненія эти никакъ нельзя признать основательными. Что же касается до нежеланія членовъ общины принимать въ свою среду, безъ предварительнаго искуса, каждаго желающаго, то въ этомъ отношеніи общинники были безусловно правы, такъ какъ успѣхъ организаціи подобнаго рода зависитъ, прежде всего, отъ тщательнаго подбора людей.

Духовнымъ руководителемъ всего дѣла была, повидимому, Н. Н. Коганъ—женщина несомнѣнно исключительная и по уму, и по характеру. Но именно ея духовное превосходство вызывало неудовольствіе многихъ членовъ общины и упреки въ томъ, что Н. Н. своимъ авторитетомъ подавляетъ всѣхъ другихъ и не даетъ возможности проявленію индивидуальныхъ различій.

Главной цѣлью общины было нравственное совершенствованіе ея членовъ, причемъ большое значеніе въ этомъ отношеніи придавалось развитію религіознаго чувства. Хотя общинники не примыкали ни къ какому опредѣленному религіозному культу и отнюдь не были религіозной сектой, тѣмъ не менѣе религіозные интересы играли въ ихъ жизни очень большую роль; они собирались въ опредѣленные дни для молитвъ и чтенія священныхъ книгъ, никакіе вопросы не вызвали въ ихъ средѣ такихъ страстныхъ споровъ, какъ вопросы религіозные.

На жизнь окружающаго населенія община большого вліянія не имѣла и даже нѣкоторое время сознательно сторонилась отъ такого вліянія, замыкаясь въ своей собственной средѣ.

Въ хозяйственномъ отношеніи успѣхи ея были очень невелики и она не могла бы просуществовать такъ долго, еслибы не находила помощи со стороны, именно изъ личнаго заработка одного изъ ея основателей, Еропкина, который послѣднее время не жилъ въ общинѣ, а стоялъ во главѣ крупной фабрики и тратилъ значительную часть своего заработка на поддержаніе «Криницы»; безъ этой помощи община, несомнѣнно, не могла бы покрывать свои расходы.

Когда денежныя дѣла Еропкина разстроились, община очутилась на краю гибели, но, благодаря выгодной продажѣ части земли, устояла и въ настоящее время существуетъ на основаніи особаго договора, какъ земледѣльческая артель. Въ 1911 г. число полноправныхъ членовъ ея равнялось 16, при 20 дѣтяхъ и несовершеннолѣтнихъ.

Въ своемъ современномъ видѣ «Криница» очень

напоминаетъ нѣкоторыя американскія соціалистическія общины; трудъ оплачивается особыми марками, причемъ каждый имѣетъ право по своему усмотрѣнію расходовать свой заработокъ. Изъ этого заработка оплачивается стоимость помѣщенія и столъ.

Будущее «Криницы» рисуется ея руководителямъ въ настоящее время въ благопріятномъ видѣ. Весьма возможно, что «Криница» выработается, въ концѣ концовъ, въ устойчивую хозяйственную организацію, способную существовать собственными силами. Но для этого требуется, прежде всего, самый тщательный подборъ ея членовъ.

Руководители новой «Криницы» усматриваютъ смыслъ происшедшей въ ней перемѣны въ томъ, что прежняя коммунистическая община превратилась въ кооперативную организацію современнаго типа. Съ этимъ я никакъ не могу согласиться. И въ преобразованномъ видѣ «Криница» не можетъ считаться кооперативомъ.

Разница между кооперативами и организаціями, подобными современной «Криницѣ» (которая, въ моихъ глазахъ, эволюціонировала не отъ коммунистической общины къ кооперативу, а отъ коммунистической общины къ соціалистической общинѣ) заключается въ слѣдующемъ.

Кооперативы являются хозяйственными организаціями, разсчитанными на средняго человѣка. Они отнюдь не требуютъ для своего успѣха исключительныхъ нравственныхъ свойствъ человѣка и апеллируютъ, прежде всего, къ хозяйственному интересу каждаго. Именно потому кооперативы и достигли такого огромнаго развитія въ системѣ современнаго хозяйства.

Напротивъ, соціалистическія общины являются организаціями для немногихъ избранныхъ — для людей совершенно необычнаго душевнаго склада. Отнюдь не хозяйственный интересъ побуждаетъ людей создавать общины такого рода, а высшіе моральные или общественные интересы. Въ настоящее время врядъ ли кто думаетъ, что соціалистическія общины могутъ разрушить капиталистическую систему хозяйства и замѣнить собой капиталистическія предпріятія. Тѣмъ не менѣе, такія общины возникаютъ и въ наше время и даже, повидимому, въ большемъ числѣ, чѣмъ раньше. Объясняется это тѣмъ, что растущее сознаніе несправедливости капиталистической системы хозяйства дѣлаетъ все болѣе и болѣе невыносимымъ для людей съ чуткой совѣстью жизнь въ условіяхъ этого хозяйства. Вотъ почему отдѣльныя лица съ сильными моральными интересами обнаруживаютъ все больше и больше стремленія создать для себя такую обстановку жизни, при которой собственное благополучіе не основывалось бы на эксплоатаціи другого человѣка.

Организаціи, подобныя «Криницѣ», могутъ существовать только при наличности у членовъ нравственныхъ интересовъ. Онѣ отнюдь не могутъ считаться хозяйственными предпріятіями, т. е. организаціями, созданными частнохозяйственнымъ интересомъ. Поэтому я не могу признать современную «Криницу» кооперативомъ, хотя она юридически и является таковымъ, будучи, въ глазахъ закона, просто земледѣльческой артелью.

Соціалистическія общины, какія бы юридическія формы онѣ ни принимали, должны быть принци-

піально отличаемы отъ кооперативовъ. Это—организація для немногихъ. Въ хозяйственной жизни современности онѣ никакой существенной роли не играютъ и, безъ сомнѣнія, еще долгое время не будетъ играть.

Но отсюда я отнюдь не дѣлаю вывода, что организаціи такого рода вообще никакого общественнаго значенія не имѣютъ. Напротивъ, я не могу считать ошибкой общественнаго мнѣнія тотъ пристальный интересъ, съ которымъ общество относится къ подобнымъ попыткамъ построить свою жизнь на совершенно новыхъ хозяйственныхъ основахъ.

Для меня эти попытки образуютъ собой важную и многозначительную страницу, но не въ экономической исторіи человѣчества, а въ исторіи его моральныхъ исканій. Люди высокаго моральнаго уровня не могутъ не стремиться къ созданію такихъ условій жизни, при которыхъ имъ не приходилось бы жертвовать своими моральными идеалами въ борьбѣ за существованіе. Колонія, основанная на общности труда и общемъ владѣніи средствами производства, даетъ возможность жить трудами своихъ рукъ и въ то же время удовлетворять своимъ культурнымъ потребностямъ. Вотъ почему, несмотря на огромныя трудности осуществленія такой колоніи (трудности заключаются преимущественно въ рѣдкости людей того душевнаго склада, который требуется для успѣха колоніи), такія колоніи отъ времени до времени возникаютъ. Ихъ немного, но значеніе ихъ измѣряется не ихъ хозяйственными результатами. Примѣръ небольшой кучки участниковъ такихъ общинъ дѣйствуетъ ободряюще и освѣжающе на

остальное человѣчество, доказывая, что есть люди, способные къ смѣлому соціальному творчеству во имя высокаго моральнаго идеала. Какъ ни мало такихъ общинъ, но онѣ свѣтятъ—и даже, чѣмъ меньше ихъ, тѣмъ ярче лучи, которыя отъ нихъ исходятъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

Предисловіе 3

Введеніе 5

Глава I. Оуэнъ и его общины 9

„ II. Фурье и его фаланги 30

„ III. Икарійскія общины 54

„ IV. Религіозно-нравственныя общины Америки. 63

„ V. Колонія „Криница“ 85

Того-же автора.

Основы политической экономіи. 1911 г. Изд. 2-е. Цѣна 3 р.

Очерки изъ исторіи политической экономіи и соціализма. 1908 г. Изд. 4-е. Цѣна 1 р.

Теоретическія основы марксизма. 1908 г. Изд. 3-е. Цѣна 75 к.

Цѣна 70 коп.

Складъ изданія въ книжномъ складѣ С.-Петербургскаго Отдѣленія Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. Спб., Улица Жуковскаго, 38.